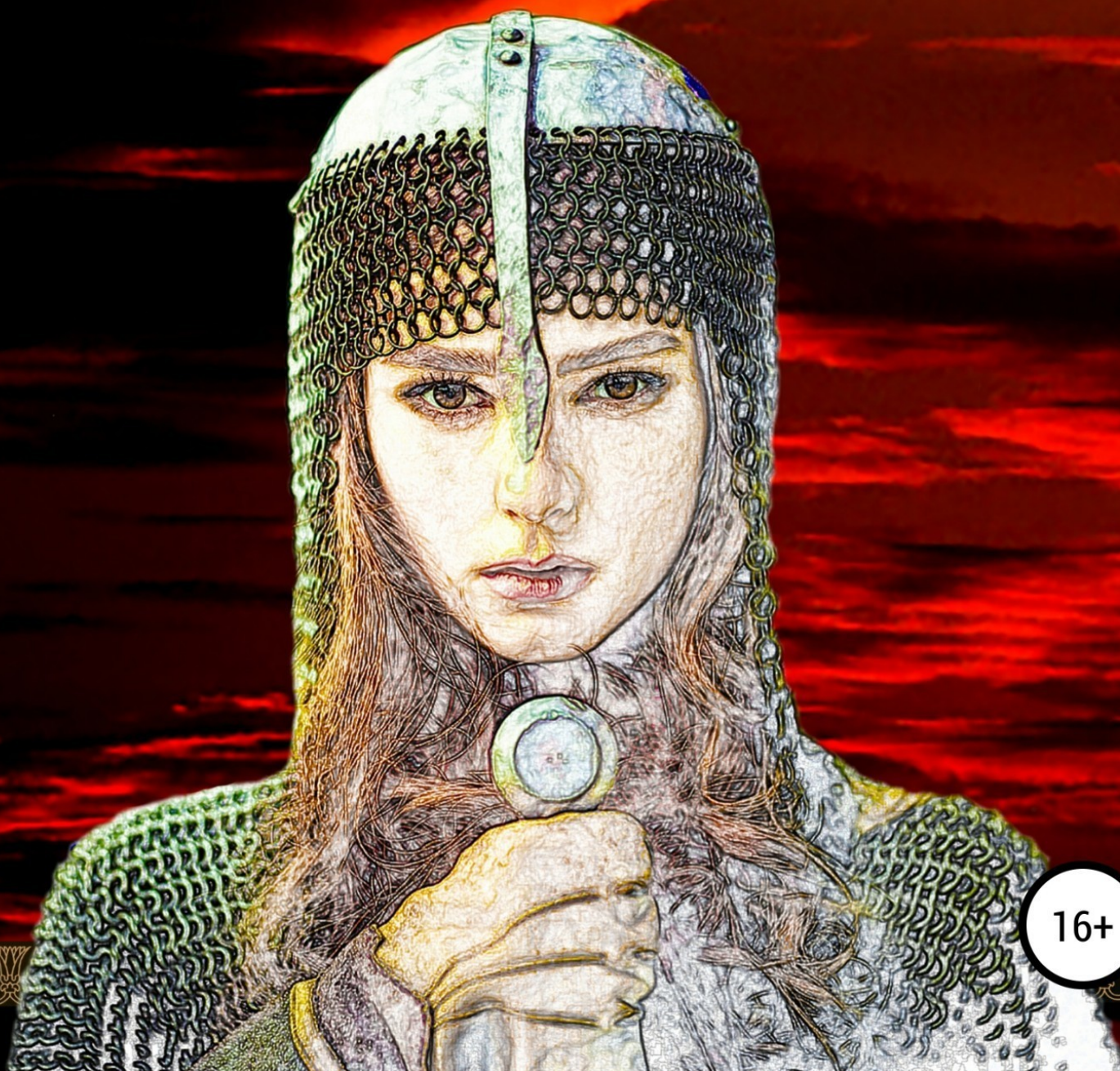

ЦИКЛ КНИГ СЕРИЯ НОТУРНЫ

Цикл книг **МАТРИАРХА**

Виктор Миронов

16+

Виктор Миронов
Дикий бег Югурты

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Миронов В. И.

Дикий бег Югурты / В. И. Миронов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Цикл книг «МАТРИАРХА» посвящён датировке рождения Ань Була (Рождества Христова) 1152 годом н.э. и вытекающей отсюда реконструкции истории XII века. Автор не касается вопросов веры и богословия и, в частности, не обсуждает ни одного из церковных догматов. Художник Ева Никольская. Фон обложки взят на странице сайта Rikkikasso. Юная Исиза - собственная компьютерная обработка автора книги.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

48

Итак, послушайте наставления сиятельства Тийи; блаженны те, которые хранят четыре стороны пути моего! Будьте мудры не отступайте от них. Блажен человек, который слушает меня, бодрствуя каждый день у врат моих и стоя на страже у дверей моих! Потому что, кто нашел меня, тот нашел жизнь, и получит благодать; а согрешающий против меня наносит вред душе своей: все ненавидящие меня любят смерть.

Притчи Тин – ниТ.

ОТ АВТОРА

К

ак-то золотым осенним вечером, приближался я к пустынной обители мертвых. Здесь услышал я звуки, непохожие на те, что обычно творятся в такой тишине в такое время суток, и был удивлен – они не походили на порывистый вздох осеннего вечера в ветвях гигантского ясеня, поднимавшегося перед еще открытыми воротами кладбища. Я отчетливо услышал скрежет вращающихся колес и, признаюсь, ощутил неприятное ощущение от подобного шума. Уж недобросовестные ли люди промышляют за оградой, чьи безобразия побеспокоили немало честных людей. Подойдя ближе, я с удовольствием обнаружил, что мои предположения были ошибочны.

От ворот, по булыжной дороге под уклон гремел тележкой какой-то старик, он усердно толкал перед собой столик на истершихся колесах. На столике лежали мелкие торговые предметы, свечи и два или три букетика дешевых цветов. Седые волосы старика прикрывала соломенная шляпа с истлевшими краями. Его одежду составлял узкий, старомодного покроя костюм, сшитый из некогда дорогой ткани, и жилет: костюм нёс на себе отчетливо заметные следы долголетней службы. Дешёвые туфли дополняли его наряд. Невдалеке – трехколесный велосипед, его дорожный спутник крайне преклонного долголетия, о чем говорила его необычайная форма. Предмет сей отличался крайней простотой, руль его обмотан был липкой лентой, а седло набито синтетическим ватином, и чинено оно было невероятное множество раз, о чем говорили различного цвета капроновые нити. На задней оси прикреплены были жесткие металлические буксиры, предназначавшиеся, видимо, для буксировки торгового столика, который он брал с собою в дорогу. И хотя этого человека я видел впервые, все же, я тотчас же распознал в нем благочестивого интеллигента, он, мне казалось, заворожил меня.

Откуда этот человек родом и каково его имя, я так и не выяснил: не понял даже побуждение, которое заставило его спросить меня:

– Купите чего ни будь, господин? Возьмите вот это. – Он протянул маленький подсвечник. – Или вот это. – Он подал книгу религиозного содержания.

Так получилось, что мы разговорились – я от того, что искал собеседника, а он от одинокого образа жизни. Когда-то его семья держала небольшую ферму, но сам он то ли по собственной нерасторопности, то ли из-за семейных раздоров уже давно оказался без хозяйства, как оказался, впрочем, на старости без каких бы то ни было заработков. Он лишился дома, крова и родных, и кое-как перебивался, но старческая немощность сделала его к этому моменту негодным к труду. Старик вынул очки, протер их и, водрузив на нос, с подобающей учтивостью достал из своей допотопной тележки не менее допотопную папку. Ободренный моей любезностью, он предложил мне старинную рукопись. Говорить о содержимом пакета было для него истинным наслаждением, дать этой рукописи жизнь – была мечта всей его жизни. Он принялся подробно выкладывать все собранные им сведения о неведомом современнике пунической войне. Можно было подумать, что он – современник и очевидец великих событий, о которых рассказывал.

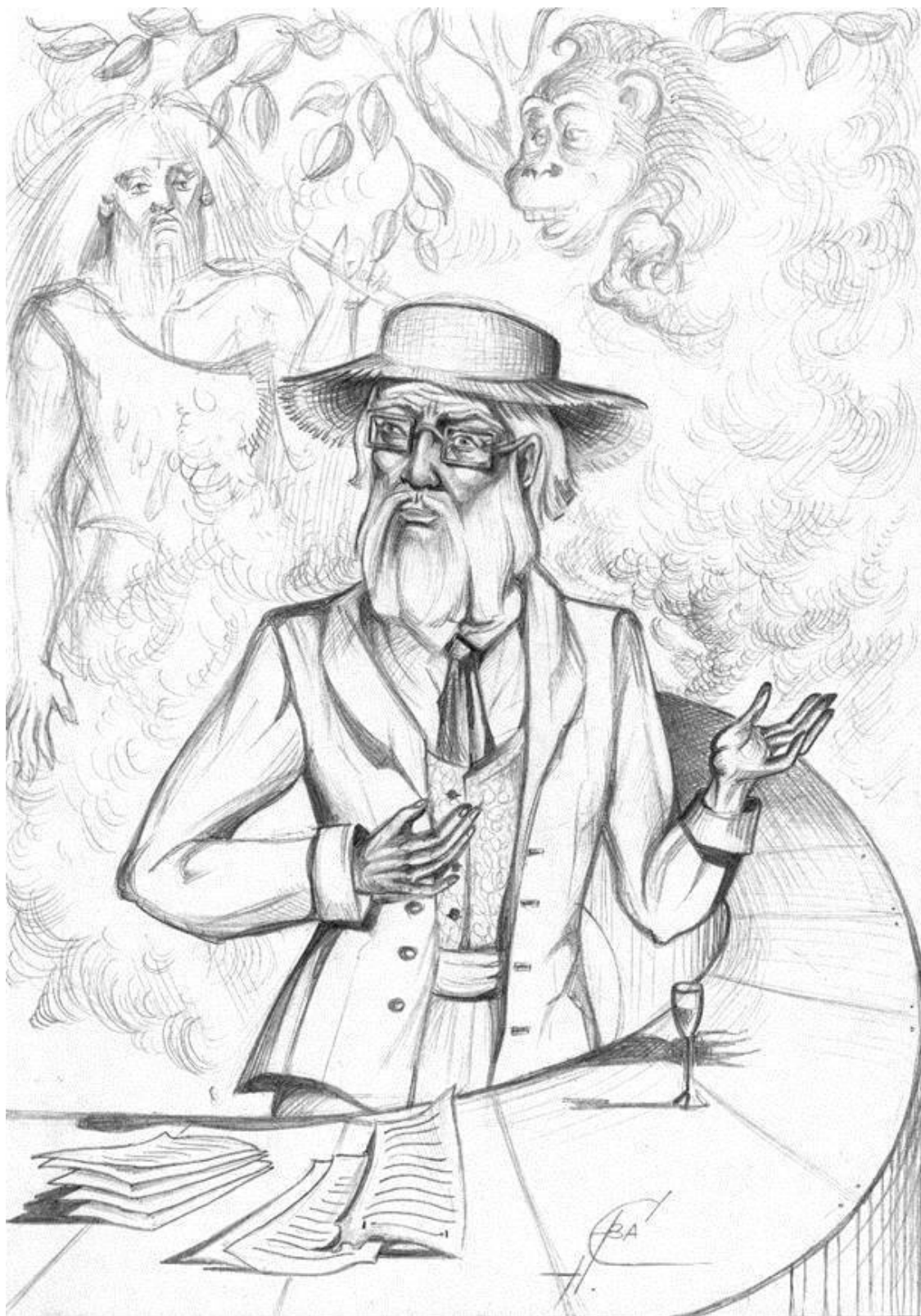
Я дал старику волю выговориться. Он успокоился, а я, загоревшись желанием ознакомиться с рукописью, убедил его воспользоваться гостеприимством ближайшего бара. Старик с

трудом сдался на уговоры разделить со мной компанию и пропустить рюмку спиртного. Наконец он принялся за свою рюмку; я же погрузился в чтение:

«Правдивая повесть или жизнь, или удивительные приключения Коттона и его друзей Битоита, Делгона и отважного Алорка, в которой рассказывается об оборотнях, не раз являвшихся в образе волка Владыке Надзора – высокочтимому басилевсу Гай Мельгарда, соблазнявшего народы на нравные поступки: о войне трёх миров – зачиненной Тартессом, Понтией и Раамонеей, а также о встречах и беседах с попутчиками на линии жизни, написанная очевидцем», – такой был заголовок. С неослабным вниманием я продолжил чтение:

«...О вас, все судьбы и ученые, все богатые и знатные, все, кто взглянет в эти строки, выслушайте историю моей жизни! В первый день марта, на пятнадцатый год жизни, учителем моим назначили друида, который перенял от отца свой священный сан. То был жрец, устами которого говорила истина, жрец, повторяющий творение Эимуна, жрец, взирающий прямо на великую Тевту. Я просил помощи у чудесного и милостивого Тевтатеса, потомком которого себя считаю. Он услышал мои мольбы, сжалился над моими слезами, явился во сне и сказал:

«Потревожь прах отцов! Возьми от них неумолимый гнев. Отчего не будет меч для тебя таким тяжким. Пробудившись от сна, я пал ниц перед величием Тевтатеса. Я исполнил обряд оживления предков и принес богатую жертву всякими прекрасными вещами. Я порадовал их сердца. В награду за это предки преисполнили меня гневом. Я вошел в свет на двадцатый год. В тот год Гет Аман стал Владыкой Надзора: ему было двадцать пять лет. Да живет он вечно и будет здоров. Радовался я. Получил имя, а прозвище Алорк, что означает – страж... Это случилось в праздник прекрасного Величества Тевтатеса...».

Тут мое нетерпение, дорогой читатель, перевернуло лист:

«... Скоро я умру. Глаза сомкнутся. Тихо пойду во имя смерти. Верховный жрец проводит меня в страну зазеркалья. Он выполнит надо мной все обряды, подобающие воину. Похоронит меня вечером, на закате, когда тени уже удлинятся, под пение вполголоса с обилием ярких цветов. Я стар. Я сед. Я кротко жду Мота-Смерть, я не уныл, не подавлен. Я едва застлан дымкой грусти: ведь жить – значит принести цвет, затем плод – чего же больше?»

Он уложит меня на вечный покой, потом облачко покинет брненное тело и, наконец, сам я стану богом...».

Я прервал чтение. Этот старинный энтузиаст истории, видимо, никогда не принимал денежной помощи и наотрез от нее отказался. Его потребности были невелики, и к тому же, несмотря на текущий момент социальной ломки и вытекающие от этого трудности ему всё же удавалось заполучить одну-две рюмки крепкого напитка в баре: во всяком случае он меня в этом убеждал. За почтительное гостеприимство, которое ему оказывали, он неизменно расплачивался свечами, которые, известным ему способом, изготовлял сам. После мучительного уговора я всё-таки уговорил принять от меня деньги, как за стоимость рукописи, которую сам он в такую цену не оценивал.

«Только в эпоху романтизма», – говорил он под чарами спиртного в заключение, – люди нашли отличия прошлых времен от настоящих. До этого не замечали даже отличий в материальной культуре. Но всего медленнее происходило осознание несходства в психике. Известно, что первоначально человек не осознавал даже своего психического отличия от обезьяны. Ведь известный факт, что обезьяны не могут быть людьми, раз они лишены дара речи, на первобытного человека не производил впечатления и он неизбежно себе объяснял – обезьяны притворяются не говорящими, чтобы их не заставили работать, так что они, конечно, не только люди, но еще и очень хитрые люди. «Дикарю, уважаемый», – говорил старик мне, – это объяснение кажется лучшим из возможных, и бесполезно было бы стараться его переубедить».

Я не стал оспаривать его взгляды и, дав ему выговориться, опять погрузился в чтение:

«... О мои братья: они не проснутся, чтобы взглянуть на брата, не увидят своих матерей и отцов. Сердца их не помнили о женах и детях. Пяты их объаты холодом: они спят долгой ночью. Мот призывает каждого: в ночь мы идем, трепещут наши сердца. Никто не может этой участи избежать – великие в его руках так же, как малые. Каждый в тревоге причитает ему, он же к каждому обращает свой лик. «Иди! – его зов. – Возьми сон ночи и жди прозрение радости». Отвечают ему тени: «Встречай край глубокой тьмы!»

Я осознавал, что автор написанных строк рассказывал о величии скорби и бурных порывах человеческого сердца. Сердце мое преисполнилось таинственного трепета: мне уже мерещилось всё это, и я всему готов был верить. В таком настроении я продолжил чтение строк Алорка, и повествование его я едва ли счёл бы игрой разгоряченного воображения.

«... Исчезают тела, но другие идут им на смену, – читал я покаяние Алорка, – налитые кровью тени возвращаются, чтобы рассказать о своем пребывании там, чтобы укрепить живое сердце, пока оно не приблизится к месту, откуда пришло, где прощается человек с теми, кто прежде был вокруг. Существование за чертогом продолжается, но невозможно ничего сознавать. Скоро для меня возвестит ночь, для меня засияет луна – Тиннит Пене Баал. Я буду испытывать жажду, хотя питье будет рядом. Я буду обескровленной тенью бродить среди бесчисленных толп мертвых. Одна радость будет у меня – напиться живой крови, от чего смогу ощущать себя живым. Тем, кому жить, напутствую – будь здрав сердцем, следуй своему сердцу пока есть дыхание. Возлагай мирру на голову свою чтобы забыть о смерти. Одевание на тебе да будет из виссона, умащайся дивными мазями. Будь крепок, не позволяй сердцу ослабнуть. Устрой свои дела на земле согласно велению, своему и не сокрушайся, пока не наступит день причитания по тебе. Празднуй, ведь слезы не спасают от погребального костра. Ты возьмёшь своё достояния с собою и как все из ушедших вернёшься с достоянием обратно. Там нам принадлежат сады Аида, здесь сады Иару. Смерть – это не конец всего. Празднуй! Человек должен пить радость жизни, потому что смерть – это вечное бытие».

В писаниях того времени часто встречаются подобные причитания, ведь смерть – это начало начал. Эволюция мысли искадила представления о жизни древних. Эти слова сегодня читались бы так:

«Исчезают тела, другие идут им на смену, никто не приходит оттуда, чтобы рассказать о своем пребывании, чтобы укрепить наше сердце, пока мы не приблизимся к месту, откуда пришли, где утрачиваем все, что прежде было вокруг. Там нам принадлежат сады Тай¹, здесь же сады Иару². Существование будет продолжаться, но невозможно будет ничего сознавать. Возвестит новый день, но для тебя в круговращенье возвестит ночь, для тебя засияет луна – девственная Тиннит Пене Баал: ты будешь погружен ею в неведение и сон, ты будешь испытывать жажду, хотя питье будет рядом. Будешь тенью бесцельно бродить среди бесчисленных толп мертвых. Одна радость будет у тебя – напиться живой кровью души, от чего сможешь ощущать себя среди живых и будешь обладать определенным преимуществом перед остальными. Тем, кому жить, напутствую – будь здоров сердцем, чтоб забыть о смерти, следуй своему сердцу, пока есть дыхание. Возлагай мирру на голову свою, одеяние на тебе да будет из виссона, умащайся дивными мазями. Будь крепок, не позволяй сердцу ослабнуть, устрой свои дела на земле согласно велению своего сердца и не сокрушайся, пока не наступит день причитания по тебе. Слезы не спасают от погребального костра. Празднуй, ибо не взять своего достояния с собою, и никто из ушедших еще не вернулся. Смерть – это конец всего: единственное, что должен сделать человек, это выпить радость жизни до последней капли, потому что после смерти его ждут только ночь и небытие».

¹ Тау – обозначает змею и корзину в мистериях? Она же Воин Дух и жертвоприношение, без которого на Дороге невозможно воплощение намерения, но жертвоприношение не есть простой дар; идея жертвы подразумевает принесение в жертву себя самого. Тай – это врата во владения Единого в четырех разных его аспектах (крест). Здесь собираются новости, собирателей называют суфиями (судьи), которых называют «шпионами Сердца». Део – символизирует материальное богатство до радости, важнейшим атрибутом является котел (мосул) неисчерпаемых благ.

² Иару – бесконечный путь, определяемый борьбой сил Воды и Огня. Иару = Круг – это нечто большее, чем просто движение в пространстве и времени. Это край горизонта, оно же и круг солнца. У этой дороги нет ни начала, ни конца, но есть источник и есть итог.

Так искажает древность современная традиция. Не будем слишком строги к Алорку и за то, что он начал повествование именно с такого содержания. Он, вероятно, считал, что поступит неблагочестиво и выкажет неблагодарность самому Величеству Смерти, если не упомянет о ней перед своей кончиной.

Далее он вспоминает с гордостью:

«В свите Гай Мельгарда остановил своего коня и увенчал главу свою прекрасным шоломом из железа: изображение Мелькарта было посередине. Я был славным воином. Изер обращен был ко мне лицом».

Стоит ли тебе, идущий в посвящения, удивляться, что он, воин, пожелал увековечить великие события, после чего поспешить к братьям и сестрам в край ночи.

«... И вот, когда мой гений успокоился после многих испытаний, я решил прожить остаток жизни вдали от военных дел. У меня не было намерения ни предаваться лени и праздности, ни проводить жизнь занимаясь земледелием: нет, отрёкшись от склонностей к охоте, от которой меня отвлекло возросшее честолюбие, я решил описать скромные деяния мои и моих братьев, насколько они кажутся мне достойными упоминания. Ка Ра Амонд – гнездовье Мота: тут проживаю остаток моих лет. Раамоняне прозвали это место Гадом (вагина), – именем, как утверждают раамоняне, любимого более всего. «Тут нечего удивляться», – говорят они – Тейя всегда знает, что происходит на земле. Конечно, ей принадлежат все драгоценные металлы и камни, спрятанные в земле, но наверху ей не принадлежит ничего, кроме чёрных холмов и, кажется, стада коров на острове Эриффея. Древнее гнездовье Мота несет на себе тягостное бремя порочения. Так мстят острову Эриффея его враги. Ни огнем и ни мечом раамоняне стремятся покорить Гадир, а хитростью ведут к упадку богатое гнездовье».

А вот еще строка, в которой Алорк пишет о себе:

«В малые годы я не отличался большой силой духа и тела и не имел в себе злого и дурного нрава. С юных лет мне были не по сердцу междоусобные войны, убийства, грабежи, и не от них я повел свою молодость. Телом я стал вынослив благодаря таинству и посвящению Изеру, в таинстве развил я терпимость к голоду, холоду и постоянному бодрствованию. Величество Изера сделало меня дерзким, коварным и ярым. Мой неуемный гений заструился к чему-то чрезмерному, невероятному, исключительному. И хотя я был не склонен к дурному поведению, однако в окружении столь тяжких пороков моя неокрепшая молодость им не была чужда. И меня, осуждавшего дурные нравы других, тем не менее мучила жажда почестей, какая возникает на поле ристалища».

Прочитав с великим тщанием записки, писанные Алорком, а это было не легко, родилась эта книга. Работая над ней, я пришел к выводу, что наши, как мы их обычно именуем, грезы и фантазии являются сущностью нитей, которые тянутся через время и связывают воедино все эпохи густой сетью. И подумал я ещё, что обречён тот на погибель, кто вообразит, будто имеет право насильственно разорвать людские грёзы и схватиться с временем, властвующим над нами. И раз уж ты, уважаемый читатель, увидел лик умирающей и воскресающей религии, то нечего объяснять, что я приведу тебя в этой книге в великолепный мир шепота и ропота дивных голосов. На тебя повеет вечерним ветерком, жизнь и движения послышатся в развалинах древних городов: исчезнувший мир вернётся к тебе.

Молча, в ниспадающих широкими складками одеяниях шествуют по аллее истории величавые человечки с обращенными к нам благоговейными взорами. Ты уже ожидаешь историю из истории в своём жилище. Не без тревоги, благосклонный читатель, я вручаю тебе эти книги и если ты отважишься последовать со мной по пёстрому древнему миру, и вместе с духовным его миром испытать всё страшное, наводящее ужас, безумное и чуть-чуть радостное; то, быть может, многообразие картин откроет перед тобой неведомый твоей душе мир. Едва ты пристально взглядишься в него, как он примет для тебя ясный и реальный вид. Наверно, ты постигнешь как из семени, брошенного в землю, вырастает пышное растение, которое – пуская множество побегов – раскидывается посвящением вширь и ввысь.

Мой читатель, я не сомневаюсь, понимает, что, включив в повествование многочисленные истории, изложенные Алорком, я не стал воспроизводить ни его стиля, ни тех или иных сообщенных им фактов, явно пестрящими древними предрассудками. Я постарался проверить их подлинность и восстановить истину, и с этой целью собрал достоверные сведения. Полу-

ченые материалы, помогли мне очистить кладезь далекого прошлого без чего было бы невозможно нарисовать правдивую картину нравов той полной пристрастностями эпохи и воздать должное доблести всех сторон. У меня едва ли есть основания опасаться, что, описывая миниатюрами войну, я могу быть заподозренным в сознательном предоставлении приоритета той или другой стороне. Хотя перенесённые обиды, презрение и ненависть противников породили жестокость и произвол у обеих враждующих сторон, обиды не снизились до потери верно-подданнических чувств, здравого смысла и благовоспитанности. Давайте взглянем, как в этой юдоли тьмы, крови и слез извращались их идеи, порождая взаимную ненависть и вражду.

Тут блистательное историческое полотно. Трудно найти наиболее известных деятелей, чем Гай Мельгард (Гет Бел Ра Аман³). Бесстрашный воин, гениальный стратег, искусный политик, обольститель женщин. А превосходные качества гетериады – женщины воина и политика – Тейи Нетери, снискало им славу в веках! Исполненные внутренних противоречий, они всегда и во всем поступали нестандартно, как и положено великим людям. На страницах книги завершение эпохи матриархата: яркий всплеск событий и гибель женской догмы, завершившейся охотой на ведьм. Именно поэтому их деяниям было суждено уйти в забвение: быть потопленными мифом об Атлантиде (под островом нужно подразумевать полуостров Крым). Но сохранились обрывки в современной истории, такие как «Балтийское море» = Баал – Сияние; Тийя – всё сущее, четыре стороны горизонта со складывающимся крестом из четырёх «Т» символов. И Ют (Фин) ланды (ливия, лидия, латиния, ратники, орда), некогда охватывающая всю центральную Европу и Малую Азию. Название рек: Днепр, Дон, Дунай и т.д. Название городов: Соф(т)ия = Исида, Афины = Ань Ти и другие.

Данная книга опирается на Новую Хронологию Фоменко Анатолия и Носовского Глеба. Анализируя имеющиеся источники, я рассказываю, что Тейя (Мария) родилась у реки Молоха на Боровицком холме. Старший сын Тайт Мосул, он же Осирис, родился 1148 году на горном плато Тео Дорос в Крыму. Второй сын, он же Аль Амалек (Ань Баал = Иисус)), родился в Ка Ра Амонде (Крым), на мысе Фиолент в 1152 году. Там же, в Крыму, в городе Чуфут-Кале она умерла (богородица). Известно, что до рождения Аль Амалека у него уже были две сестры, но тут вопрос, по отцу и его Великой Супруги Кийи или по матери Старшей Жены Тейи. Святой Грааль – это Колыбель, а точнее вагина матери.

Гамилькар и Гамилькар Барка – это (частичное) отражение Аменхотепа 2 и 3, и Юлия Цезаря = Эхнатон. Он же Юрий Долгорукий. Получивший из рук Исизы-Тейи сан Пон ТиТ (Т – символ всего сущего = мать, четыре стороны света образуют из этого символа всевидящий крест, известно слово «понтиф(т)ик»). Иси_Да = (дочь – мать), изображались на иконе, как богоматерь Тийя с дочерью Исизой (впоследствии подменённой Исусом) на коленях. Икону написали по требованию Тейи, так как сама сопровождать сына в свои северные владения не могла. Её несли впереди полчищ Ань Баала, когда тот вёл орду во владения матери к реке Молоха у Боровицкого холма. Образу иконы поклонялись, как непосредственно матери Тейи, что привело к возникновению иконописи на Руси. Причём эта территория была освобождена от налогов.

Их Великая Жена Кийя. Старшей же женой в его гареме стала Тейя (Инь Тэри, Нетери = Нефертите; Тийя, Тенерифе = Тене Ра(ф)ть (орда), Дио, Тиннит: она же Клеопатра. Тиннит – Т Ань = дочь всего сущего, всего окружающего вас (Луна, Солнце)). Торжественный въезд Тейи в Ань о Кийю (Антиохия). Заговор Кийи. Гамилькар убит херусиастами в хоре Ань о Кийи. Тейя вынуждена бежать в Ка Ра Амонд. За ней следует соратник Гамилькара – Гамилькар Барка (Антоний). Но уже сформировался Тини_Кийский млечный путь (финикия): реки Волга и Дон, Червлёное (Красное) море, пролив Босфор, Средиземное море, Красное море, современная Индия. Возникла торговая тини_кийская общность. Гамилькар (Барка) –

³ Знакомое нам созвучие «гетман».

это (частичное) отражение Аменхотепа – 3 и Антония. Оба они – Юрий Долгорукий. Женский гарем переходит на его попечение. События происходят на острове Ка Ра Амонд в Пан Ти Капище. Гамилькар Барка погиб у дельты Дуная при штурме города Гелика (Ара Сак).

Газдрубал (Тайт Мосул) – это старший сын Гамилькара от Старшей Жены его гарема Тейи. Она старшая жена из 360 женщин гарема. В 6680⁴ лето умирает единственная дочь, двенадцатилетняя Исиза: она теряет своё влияние и подозревает старшего сына Тайт Мосула в убийстве. Она вынуждена убить сына. Тейя призывает из Мосул Кале сына Ань Була (теперь он старший сын, но от Гай Мельгарда Барки). Он ведёт войско вдоль Волги, Дона и подходит к Батуми (Батя = Папа) и берёт город под контроль. Двигается далее. Подходит к Диокурии (Сухуми), но встречная армия Кийи вынуждает его отступить. Ясер возвращается на север и по льду, как посуху переходит на остров Ка Ра Амонд. Армия Кийи не успела перейти из-за весеннего паводка. Ледяное покрытие разрушилось, потопив часть её армии. В 6681 лето, в Пан Ти Капуе, он призывает к крестовому походу на Ань Ти о Кийю.

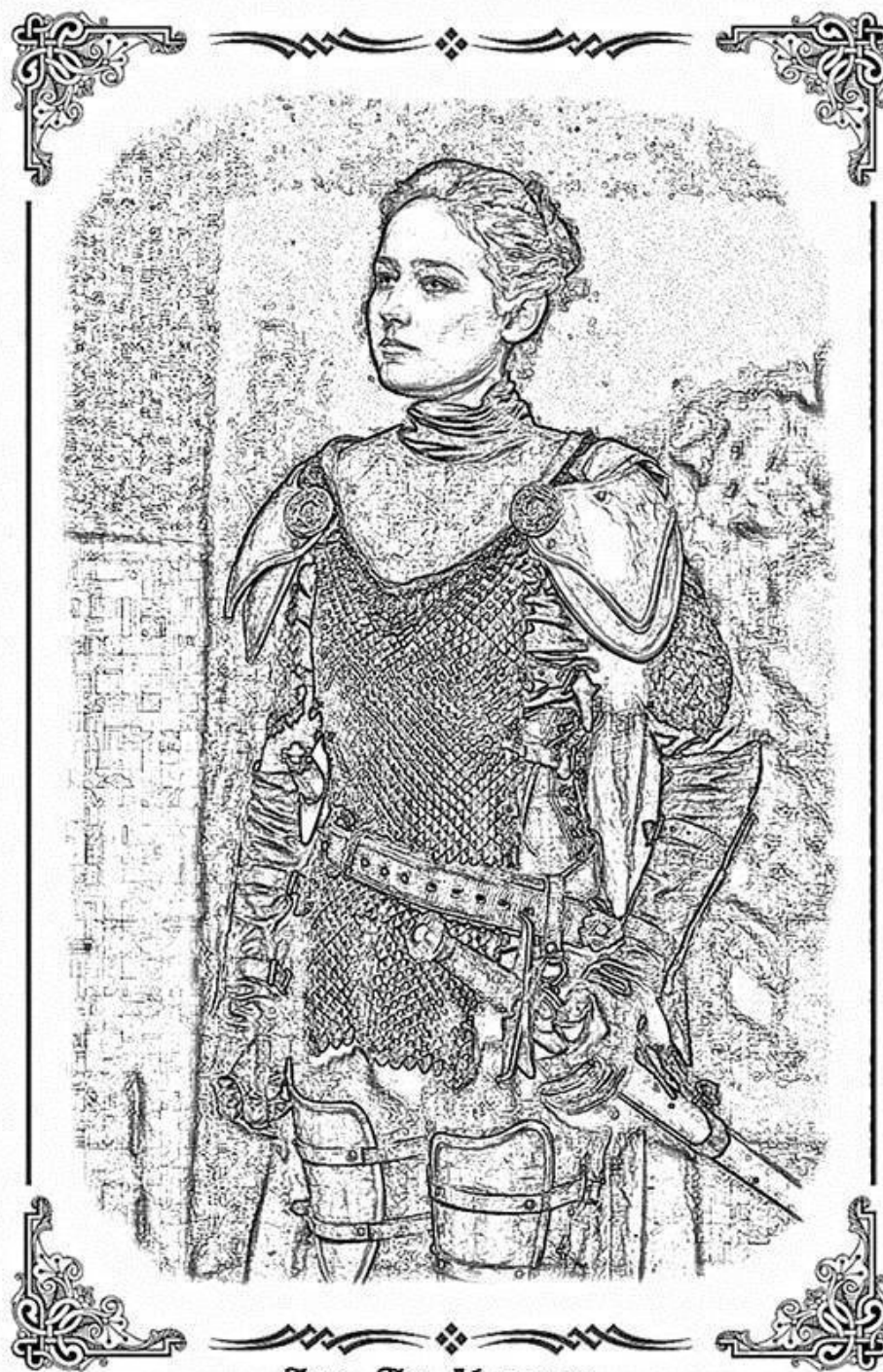
(Ясер) Ань Баал – сын Тейи. Он и Юлий Цезарь, он же и Антоний, и Эхнатон, и Осирис. Он ввел новые обычаи, в том числе и в одежде. В Антиохии народ стал носить штаны. Некоторые встретили подобные нововведения в штывки, обвиняли Ясера в приверженности к ярким обычаям (варварским, вар = яркий, светящийся, богатый, широкий: это ещё и древнее название Днепра). Он прибыл из Руси⁵ в Ра Амонею в роскошных одеждах. То были богатые одеяния (русско-ордынских) владык. Серебро, золото, пурпур, драгоценные камни. Вар_Вар был очень богатым краем. Гордые раамонеи одевались куда скромнее. Поэтому у них вызвало раздражение богатство (варварство) прибывшего Ань Ясера и его свиты. А тем более не понравилось введение новых сакских одежд. Саки специально одевались в шёлк, дабы во время походов, когда трудно помыться в банях, не заводились вредные насекомые. Шелк отпугивает вредителей. Ясер привёз и серебряные самоварящие сосуды. Мы узнаем здесь известные русские самовары. Ань_Тио_о_Кийская знать взирала с завистью и недовольством на богатства человека, приехавшего из Мосул Кале. Они не могли смириться с тем, что ордынские ханы носили не только дорогие одежды, но и роскошную обувь с драгоценными камнями. А также богатые диадемы. Ясер иногда устраивал летом снежные горы в саду, завозя снег. Воспоминание о снежных русских зимах, каких в Антиохии не бывает.

Предлагаемая мною реконструкция является предположительной: беллетристика. Цикл книг «МАТРИАРХА» посвящён датировке рождения Ань Була (Рождества Христова) 1152 годом н.э. и вытекающей отсюда реконструкции истории XII века. Автор не касается вопросов веры и богословия и, в частности, не обсуждает ни одного из церковных догматов. В книге затрагиваются исключительно вопросы исторической-хронологического характера. Автор отмечает, что предлагаемая им реконструкция является предположительной. В то же время, автор не отвечает за точность и надёжность вычисленных им датировок. Книга предназначена для самого широкого круга читателей, интересующихся историей перехода от язычества к христианству и гибели эпохи матриархата: историей до Руси.

⁴ 1172 год.

⁵ Русь: «рыцарь». Русь = Осирис, в обратном прочтении.

АНЬ ТИ ЧЕТЕРИ

НЕМНОГО О ДНЕВНИКЕ

Помни Амилька⁶ заветы матери твоей Исиды – она сияющий веночек головы твоей и не отвергай наставления отца твоего Гай Мельгарда (Гет Бел Ра Аман⁷).

Притчи Тин_ниТ⁸

Б

удет вполне своевременно просветить тот факт, что события, описываемые этими строками, обязаны своим появлением только трудолюбию Алорка. Этот человек был не только воин-оборотнем, но и обладателем бойкого пера, которым он ловко и неутомимо пользовался, рисуя на страничках буквы.

Алорк вёл записи так, как не велись ни одни записи подобного рода. В течении многих лет он аккуратно будет вести записи чтобы потом переписать с них текст на кожаные свитки. Часть записей безвозвратно утратилось, а то, что сохранилось страдает рядом недостатков естественных для его времени. При тщательном ознакомлении с бумагами я безраздельно досадовал на пропуски переписчиков, от чего были трудности из-за скупости на существенные факты в беспорядочной массе дошедших до меня записей.

Первые читанные мной слова Алорка целиком заняты изложением событий, предшествующих текущим событиям моего изложения. Эта запись знакомит со всеми четырьмя главными героями, но совершенно исключает сведения о родине и местах рождения, исключает информацию о конкретной племенной принадлежности. Приходится догадываться о том, но без сомнения они принадлежали различным родам, кланам и племенам: в чём нет никакого сомнения. Необходимо предупредить благочестивого читателя: эти записи, а также иные исторические свидетельства, являются главными откуда исчерпаны материалы для повествования.

Алорк особенно подчёркивает и тот факт, что обстоятельства, на которых я подробно остановлюсь в дальнейшем повествовании, привели Тейю брать трон на Ка Ра Амандское побережье. Он пишет с заметным пристрастием, присущим молодым в момент успеха и убеждающим нас в том, что в своё время на тот или иной счёт он мог иметь иное мнение. Он настаивает на отсутствие у своих товарищей каких-либо предварительных намерений доверившись в этом вопросе женщине, которая превратила своё путешествие в развлечение с пристрастием, и, не по их вине, в игру со смертью.

По утверждению Алорка, Тейя в начале стремилась плыть в Пан Ти Капую. Однако, в ожидании попутного ветра, у неё наметились признаки внутреннего беспокойства. Алорк высказывает предположение, что Тейя общаясь в эти дни праздного бездействия с местными жителями заразилась их настроениями, столь характерными для тракиев в это время года. Желание ехать на Лунный Остров вполне объяснимо, но вряд ли Тейя желала объяснить и отчётливо представить молодым людям то, что будет она там делать.

В конце концов они были изгоями, людьми объявленных в своём племени вне закона, они являлись бездомными изгнанниками на чужбине. Их судьбе предоставлялась только война, открытая для всех и особенно манящая к себе тех, кто чувствовал себя во вражде со всем человечеством. Несомненно, он часто думал о Лоле и сходил с ума, сознавая, что она для него потеряна безвозвратно. Он мог полюбить Лилит и в то же время понимал, что она для его чувств недостижима. Я не думаю, что Алорка можно было обвинить в придумывании каких-то оправданий для взрослой женщины, потому что многое действительно могло угнетать его. Таким образом, душевное состояние его и свойственный ему дух воинственности, толкнувший

⁶ Амилька = (т)финикийский прототип Исиды дочери Исиды.

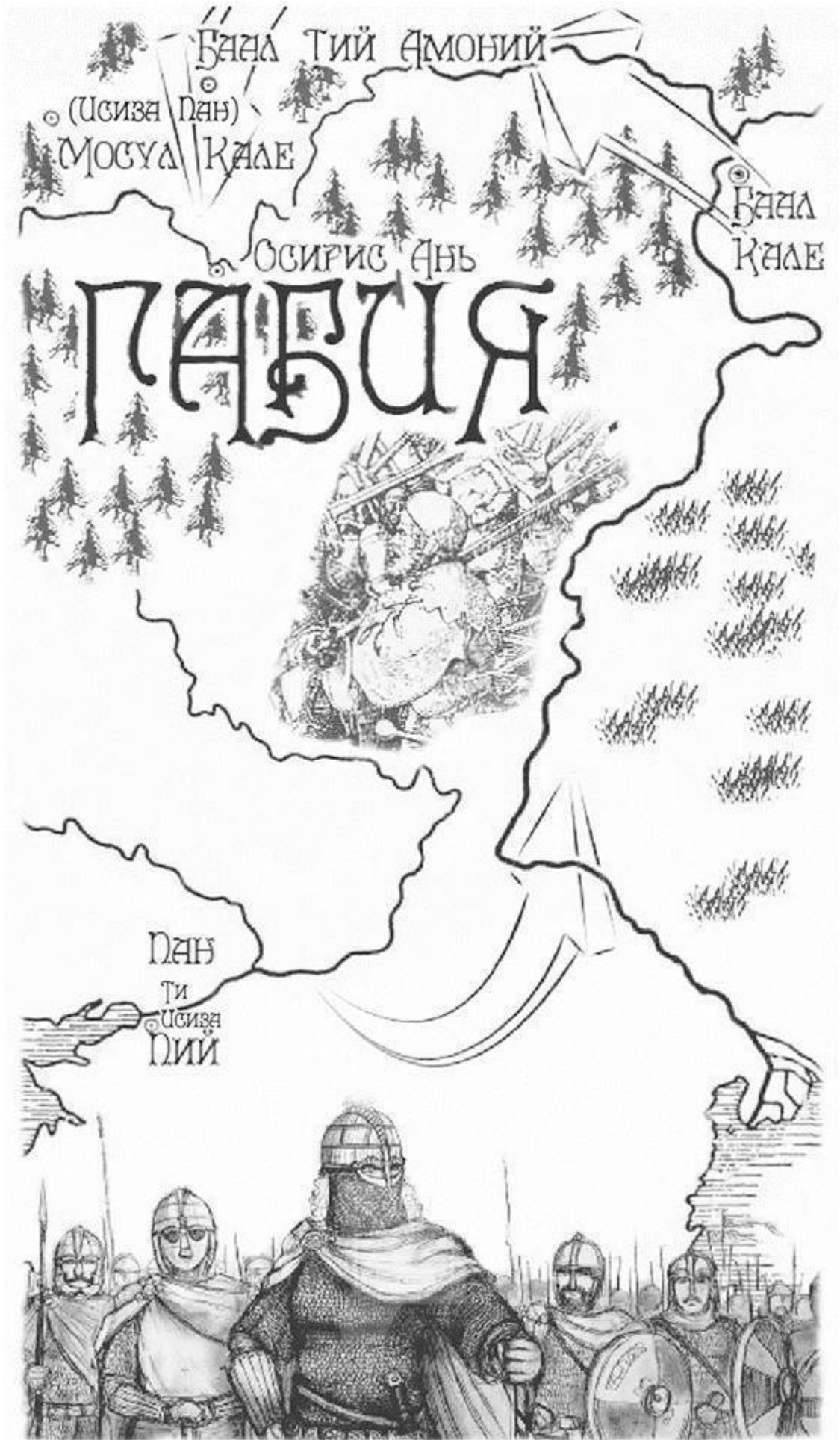
⁷ Бел Аман: **светоч** округа = **сияние** нома (аман, обратное прочтение), ном – это территориальный округ, а также и стены дома. Белый = яркий = сияющий светоч = Аман Хотеп. Полный титул – Гет Бел Ра Аман.

⁸ Тин_ниТ: что бы читалось прямо и обратно. Читающий должен быть знать о ком идёт речь; при этом, гласные в тот период зарождения письменности не писались; то-есть – Тн_нТ. То же "Ср_рС", современное чтение "Осирис".

в своё время на поиски приключений, просто из любви к ней вынудили уступить более возвышенному, к почтению Величества Исида.

Образ жизни, его подбирающего всё то, что выбрасывалось на купеческие тропы и ставившего отнятое грабежом узаконенной добычей, встречал интерес к себе многих вождей. А Алорк чувствовал себя вечным изгнанником и не менее других желал присоединиться к Великому Братству и настойчиво требовал от вожakov вести его повсюду.

Требуется подвести итоги под записями Алорка. Из них выходит, что он юношей подчинился своим настроениям и настояниям друзей, отдаваясь течению судьбы придя к выводу, что от неё всё равно никуда не уйдёшь.

ГЛАВА – 1

Гай⁹ Мельгард имел меня началом пути своего; прежде созданий Своих. Искони от века я повязана от начал прежнего бытия Гобы¹⁰.

Притчи Тин – ниТ.

В

ершина холма была очерчена бревенчатой еловой стеной – эта стена являлась Боровицей – «место, где находится бор». Это ведьмина гора: на ней процветало капище Тейи Инь Тэри. Её храм на стрелке при впадении в реку Молока – Оплодотворяющая (Москва река) её левого притока Неглинны. Это место имело чертолье – крепостные стены, то есть роющие (проводящим) черту. Чертолье – светочу престолье, именно здесь стоял трон самой Матери? Тут на Сак Ань Динавии¹¹ располагалось священное место рождений сынов и дочерей неба известное как Мосул Кале, и жилища их волхвов¹² им служащих.

Рядом Кийец (Киевец) – высокое место, тут у трона Кийи¹³ справляли ритуалы по обычаям грозы, молнии и небес, а из Киевца до Чертолья рукой подать! В 1147 году была построена Тайницкая башня или, как её иначе называли – Тейя Ань, и были выкопаны тайные ходы и подземелья, считавшиеся вагиной матери земли. Здесь маговец Ань Гай Мельгард¹⁴ встретился с червлёной Инь Пан Тейей¹⁵ и устроил в её честь обед в её же собственном кремле¹⁶. Самая высокая часть кремля называлась Маговица, т. е. макушка, вершина храма, в которой располагалось не только великое ханское¹⁷ жилище, но и прибежище великой маговицы. Об этом свидетельствуют – черепа отсеченных голов: лошадиные, бычьи, коровьи и кости – следы жертвоприношений священных животных.

Поскольку Бор оказался самым высоким и удобным местом, на него стали претендовать ханы. Главное же возвышенное место на Бору занимал Тайницкий храм, волховое капище с древними идолами, ну а место то называлось издревле Ведьминой горой. Ведьма была ведущей ведомых: и была наимудрейшей, ведающей секреты жизни и смерти, женщиной-прародительницей. Великая Мать и Богородица, она же Исиза-(дочь) и мать Тейя (Иси_Да). Она могла поведать о будущем отдельного человека или всего рода, могла заповедать-приказать делать одно и не делать другое. Ведовством занимались не одни женщины-ведуньи, но и ведуны-мужчины, каким и являлся маговец Ань Гай Мельгард. Тут они жили и творили волшбу.

В 1156 году деревянный кремник был перестроен, для защиты крома были достроены оборонительные сооружения – земляной вал с деревянным частоколом и рвом, заполняемым водой из реки Молока. Кромка холма считалась Лобным местом, с которого зачитывались указы и обращались к народу. Продолжающая лбище бровка заселена была саками¹⁸ считавшие Тейю своей проматерью и известная сегодня как Псковская горка. Их поселение сложилось

⁹ Скромное дитя-посредник солнца (Мелькарт) на земле.

¹⁰ Габия: Гоб = круг (горизонт) Земли. Глеб – современное произношение. В 18 веке подменено словом «Египет».

¹¹ Скандинавия – Сак – Ань – Тин_ниТ; (Дин).

¹² От значений Ваал = Баал – «Белый» в понимании «Свет»; Ка (Ха) – посредник между Светом (Солнце, Луна) и человеком; и видимо опять Ваал. Для чтения слева на право, так и на оборот: слушатель должен был понимать о ком идёт речь.

¹³ Москва. Пречистенская набережная 5; тут было село Киевец.

¹⁴ Юрий Владимирович Долгорукий.

¹⁵ Княжна Ольга – перевёртыш пола: Святослав Ольгович.

¹⁶ Храм.

¹⁷ Княжеское.

¹⁸ Скифы – Саки Тийи = Скитии, древняя Скандинавия = Скандия: Сак (гусь) – Ань = Инь (сын и дочь светоча) – Дия (Тийя).

вокруг Боровицы и называлось Кучково. Перешло же оно к Ань Гай Мельгарду в результате насильственного захвата.

Бор защищал от чужаков, давал лес для строительства, еду для пропитания, мех для тепла. Да он вообще оборонял древних наших предков от ужасов жизни. «Боровое место», то есть сухое, приподнятое, жилое и защищённое. А пригорок назывался «борок» обозначавшее кладбище. Вот как перекликалась Боровица: живые сосуществовали с мертвыми, а те с живыми, здесь миры Яви и Нави были едины. Отсюда – от бора-защитника – появились и производные слова защиты: оборона, забор и борец¹⁹, как защитник. Впрочем, весьма скоро у того же борца выявилась и иная функция. К подданным, спускались сборщики подати – без них же не бывает властителей. Так вот этих самых сборщиков подати, налоговых инспекторов тех далеких времен, и именовали борцами, известных сегодня, как варяги (иберы = варяги).

Кремль не просто являлся храмом на Бору, но становился и борцом оборонителем живших на нем людей – кучка (общество, группа, небольшая толпа, имеющая общие интересы). К тому же Ведущая гора вносила свою мистическую лепту, она позволяла видеть прошлое и провидеть будущее. Но каким же накалом должна была она обладать! Немудрено, что таковую силу мало кому по плечу перенести. Да и от самих видений-прозрений любой человек способен потерять голову. Шутка ли – увидеть то, что было, а еще ужаснее – то, что будет! Не всякий вынесет... от того и выплескивалась накопившаяся энергия в оргиях.

Что такое Кремль – откуда пошло название? Кремник – значит крепость внутри города. Ну а кром – охраняемая внутренность. Сравните кром и храм – есть над чем задуматься.

ГЛАВА – 2

Тя родилась, когда еще не существовало бездны, когда еще не было источников обильных водою. Тя родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов, когда еще не сотворил Он ни земли, ни полей. Когда Он проводил круговую черту по лику бездны, когда утверждал вверху облака, когда укреплял источники бездны, когда давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его, когда полагал основания Гобы²⁰.

Притчи Тин – ниТ.

С

тали ей видеться странные картины. То покажется, что стоят какие-то люди в странных одеждах, то почувдится, что из-за башни выходят женщины в овечьих душегрейках и с митрами на голове. А однажды, когда она стояла рядом с Лобным местом, ей четко привиделась сцена её собственной смерти; змея обвила руку, да так ясно, что сердце забилося.

– Я знаю! – шептала Тейя Нетери торжественно, – я знаю! Что-то произойдет! Не может не произойти... Это случится непременно...

Тейя шурилась единственным глазом на яркую луну, левый глаз её был слеп и потому залеплен. Она вспоминала, как много лет назад, на этой же самой скамье она сидела рядом с ним. И точно так же, как и тогда, чёрная роза лежала рядом с ней на скамейке. Она сидела под Тайницкой стеной на одной из скамеек, поместившись так, чтобы ей был виден червлёный двор. Но теперь Гай Мельгарда не было рядом, но Инь Тейя знала, что лежит его мумия в могильном склепе у берегов Нила. Но она всё ровно представляла его сидящим на этой скамейке и разговаривала с ним.

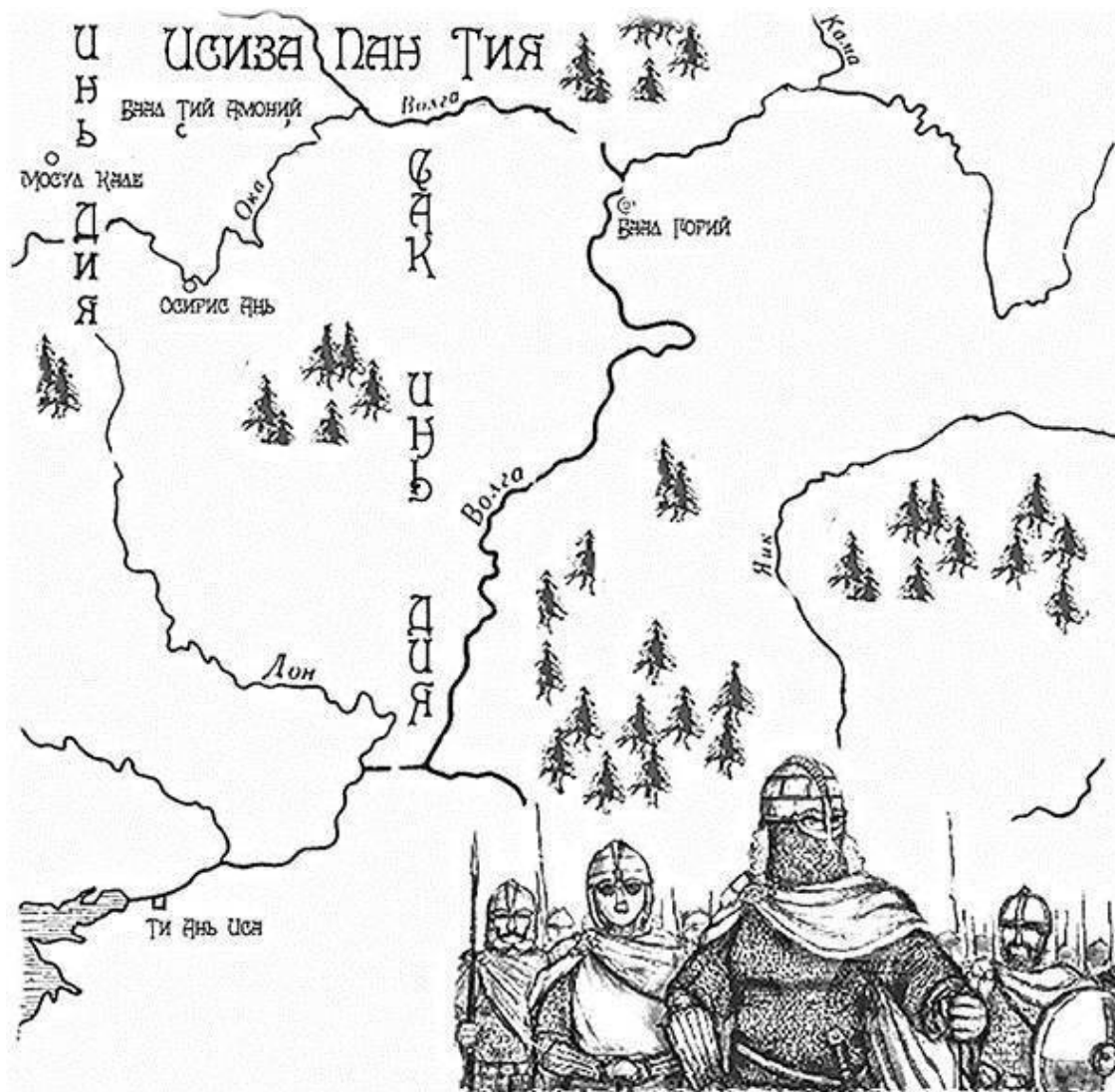
¹⁹ Ибериец, он же варяг и далее с 14 -15 века производное слово – еврей, поклонники (перевёртыш пола) Иуд(Т)а_изма = (Иу) Т (ейя), первично гласные в писменах не писались. Расселение по Европе и само слово «Европа». Отсюда и догма о расселении евреев.

²⁰ Земля.

Протащилась нелепая процессия, но и она не оторвала Великую Маговицу от её мыслей. На самом деле это была не просто «процессия», это были искушения – главные в человеческой жизни – эрос и смерть, но Нетери не поддалась ни на одно! И тогда волна ожидания утра и её возбуждения толкнула ее в грудь:

– Да, случится!

На самом деле, то был знак Эйвы²¹. Тейя выдержала испытание, и перед ней материализовался Гай Мельгард. То ли реальный человек, то ли фантом того дня, когда её, загруженную в льняной мешок для белья под стирку, внесли в её собственный покой. Откуда она взялась? То ли сама она искала, то ли её потаенные мечты о Тайницком троне притянули его. И она явилась! И призналась, что сгинувшая она жива, что её можно вернуть, что у неё есть способ быть с ним вместе, и что она и есть Исиды, материализующая в себе и Мать (Дейя), и Дочь (Исиза) – наследницу Исиды.

В тот день нерешаемая задача начала решаться; невозможное желание исполнилось. Да это же путь, реально ей указанный.

Там у священного дуба материализовались самые сокровенные её желания. А место, где она сейчас сидела, именовалось Гет Тиевой (Кутафьей) мостицей. Мостица – это деревянная

²¹ Ева – Свет. Адам – Тьма.

мостовая. А Гет Тией называлась большая толстая башня, стоящая рядом; гет – это полнотелая, дородная женщина, которая владеет копьём и мечом... И вооружённые гетеры в шеренгах на мостице. Вот почему даже самые мощные враги не властны навредить ей, ведь они не могут овладеть женщиной без её внутреннего разрешения и согласия.

Она поднялась на верхний ярус сада. Этот ярус не видно снизу – с тех мостиц, где гуляет основная масса горожан. И если тропа пути видна со Среднего яруса, то лужайки надежно скрыты. Там можно просто сесть на траву у дуба, и никто не увидит. Невероятные, зачарованные лужайки, напоминающие об эльфах (рати) и феях (теях). Они примыкали прямо к деревянной стене. Ее можно было потрогать руками! На ощупь стена... теплая и мягкая. Фантастическая сценка. На лужайке сидит Тейя Нетери и её молодой Ань Гай Мельгард. Он мечтательно смотрит на траву и говорит:

– Мы слышим людей внизу, а они даже не подозревают, что мы тут сидим. А у нас тишина. Послушай, ее!

Они слушают. И вдруг откуда-то издалека налетает-доносится мужское имя. Потом, когда они возвращались в Тайницкую башню, Тейя шепчет Мельгарду:

– А я у стены на лужайке имя услышала!

– Ой, я тоже! – радуюсь я тому, что мне не прислышалось. – А какое?

– Тайт Мосул.

Тейя назвала мужское имя – совсем не то, что услышал Мельгард. Пройдёт много лет. Тейя встретит фантом погибшего мужа. И она выпалит ему без предисловия:

– Помнишь, мы сидели на невидимой лужайке у Белой стены? И я услышала мужское имя Тайт Мосул, помнишь?

– Да... – с трудом вспомнил он.

– Так вот предсказание было верным – после твоей смерти я оказалась в гареме твоего сына, рождённого старшей твоей супругой, мною... Он был мне невыносим... Я отравила сына, твоего сына... Я была вынуждена...

В голове у него что-то кликнуло, вспомнилось давно забытое, и он ахнул.

– Мне ведь тоже тогда послышалось имя будущего избранника... Ань Баал! Только потом я об этом напрочь забыл.

– Да... Чудеса? Он мой сын от тебя. Обычное предсказание храмовых стен и зачарованных лужаек? – Тейя засмеялась – Он предал меня... Я заколола его копьём... – Она продолжала смеяться.

Так несколько солнечных лучей пробилась в сумерки жизни молодого повелителя. Но, как бы то ни было, он пришёл в год 1147 на помощь отвергнутой братом Нетери. Он призвал её к себе. Она была на тринадцать лет моложе его.

Юная Нетери явилась к Амен Гету.

– Что это с тобой сегодня утром? Кажется, ты взволнована? – спросил он.

– О, Амен, – ответила она, – мне снился такой чудесный сон!

– И что же тебе снилось?

– Мне снилось, что я Исида.

– А кто же тогда я?... «Амон?» – сказал, пожимая плечами, Гай Мельгард. – Ну ладно, теперь дела.

– Но, ведь я и есть Исида! – убедительно подтвердила она.

– Но и я Амен Ра, и к тому ещё и Гет – воитель.

Разные сущности по-прежнему выходят из подземных ходов, тех, что находятся в глубинных покоях холма. Но Тейя ведала, кто и что появляется на поверхность. И если это что-то доброе, Боровицкий холм пропускает, а если злое – прогоняет вон.

ЛУННОЕ БДЕНИЕ – 1

Тогда Ты была при Нём многими образами и была радостью всякий день, веселясь пред ликом Его во все время, веселясь на земном кругу Его, и радость моя была с сынами человеческими.

Притчи Тин – ниТ.

В

6712²² лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. В весеннюю ночную пору, у восточной окраины острова Ка Ра Амонд²³, в теснине высокого дома дворца Пан Тий Капища²⁴, под сводами овальной крыши, сидел Великий Писарь. Тёмный зал комнаты был тих, потрескивали искры поленья камина, у стола коптели угли жаровни, стол освещался двурожковым подсвечником изображавшем солнечный струг. Сводчатый подволок уходил ввысь, теряясь в сумраке. Алорк сидел на табурете напротив серебряного кресла и напрягши все чувства приступил к лунному бдению.

Великий Писарь устроился очень удобно хотя едва ли осознавал это, до того напряжённо он слушал тишину. Не доносится ли звук предупреждающий, что пана Тейя и шаги её спешат

²² 1204 год.

²³ Остров Крым = караим.

²⁴ Пантикапей.

к нему с вечной приязнью бессмертной. Для большего удобства он снял с окна ставню. В безбрежном лунном океане струились холодные потоки лучезарной луны. Расплескавшись по стенам зданий, они просачивались в промежности каменного лабиринта улиц, образуя на мощёных дорожках лужицы света. Таких световых пятен за окном было много и эти пятна украшали мрак, окружавший палату Пан Ти Капища, которое человеческое воображение населяло всевозможными живыми и мёртвыми существами всех известных бессмертных форм, грозных и нежных, таинственных и просто уродливых. Был он и достаточно храбр, неистов и был знающий в искусстве убийства. Ему по душе был азарт сражения, но он совершенно не выносил мёртвых, не выносил их потухших глаз и их окоченевших тел, он не выносил неестественно сморщенные распухшие тела. Этот человек чувствовал к трупам антипатию, его неприязнь была вызвана обострённой чувствительностью, его сильно развитое чувство красоты отторгало всё отвратительное. Он не в состоянии был смотреть на мёртвое тело без горечи, к которому примешивался оттенок злости и ненависти. В смерти нет живописности, нет мягкости, нет торжества, но мёртвое тело благоговейно называли величием смерти и это понятие являлось бессмертием. Ему, пребывающему ночью при лампе, привычным было дело рождать в одиночестве диковинный мир, в котором обычный предмет обретал совершенно иной облик. Он и предмет смыкались теснее, точно прижимаясь друг к другу. Этот предмет был полон едва слышного, ледящего кровь шёпота умершего звука, какой нигде не услышишь, то был звук шуршания губ по потёртому женскому черепу и то был шорох схожий с шуршанием опадавшей листвы: звук этот – без названия, форма его – без содержания. В звуке – перемещение в пространстве, хотя ничего не движется; в звуке – движение, хотя ничто не меняет места. Здесь фанатик солнца соприкасается с лунным бликом в любовной истоме.

– Лили спасётся, – шептали его губы, патетический характер его слов выражал трагический и виновный тон, – нестрашна будет её зима... Вновь будут волноваться ветры... Тебя, нуждающуюся в друзьях, заставляют страдать... Ужасна зависть в любви... Зависть, как разбойница, породила ревность... Тяжбы твои ужасны.

Здесь уместно обратиться к культу отрубленной головы, столь широко распространенному в древней Европе. Саки хранили их, как величайшую драгоценность, не соглашаясь уступить эти черепа ни за какое вознаграждение. У них есть множество упоминаний об обычае отрубать голову у поверженного врага: не сделавший этого покрывал себя позором. В стенах жилищ имелись даже специальные ниши для хранения черепов. Связывали черепа с представлением о «жизненной силе», с исчезновением, которой «телесная жизнь» человека прерывалась. Средоточием жизни считалась голова и только отделив её от туловища, можно было надеяться иметь её и владеть ею, как собственной. Иными словами, душа – «жизненная сила», в отличие от души – «тень», души – «образ» и души – «дыхание», мыслилась вечной, причём смысловое значение «душа» нельзя понимать буквально.

Близко от Алорка, так звали Великого Писаря, находился бдительный и внимательный друг и он не чувствовал себя одиноким. Череп Лолы лежал на столе рядом с футляром для писчих бумаг, прямо перед ним. Проникшись настроением торжественности, он утратил ощущение связи с видимым и слышимым миром. Этот мир казался ему бесконечным и в нём не было ни людей, ни их жилищ. Вселенная казалась ему первозданной загадкой мрака, а сам он единственный безмолвный вопрошатель его извечной тайны. Поглощённый мыслями, вызванным настроением, он не замечал, как шло время.

В дверном проёме он увидел женскую фигуру. Он мог поклясться, что раньше этой фигуры там не было. Мрак поглощал её или, что более вероятно, проявлял её из себя так, что можно было ясно различить формы женского тела. Алорк был единственным, кто мог привлечь к себе её женский взор и пробудить в ней радость и воспоминание о нём у неё. Он подвергал себя такой участи, какую испытывал, когда Лола возвращалась к нему в женщине живой. Он проявлял необычную любовь и счёл бы за нарушение закона быть разлучённым с ней не

только тут в жилище, но и за чертогом вечности. И то был не траур человека, а был вечный праздник Эри Тейи – куда на ночь скрывалось солнце. По своей преданности был он для неё почти супругом и стал им по оказанному ей благодеянию к «жизненной её силе»: был тем, кем был всегда – мужчиной. Бурный поток «слезы» был открыт для неё во всех его военных переездах, ведь её «жизненная сила», таилась многие годы во мраке скромного жилища – его мешка. Поэтому его заслуга перед ней, тем была велика, что он возвращал близким ей женщинам жизнь её самой. О, если бы он мог найти такого Бога или такую Богиню, способных отвести от неё несчастье смерти. Доблесть мужчины требовала, чтобы жизнь была возвращена погибшей женщине-воительнице, и его доблесть была высокого положения в нём. Его убеждение было таково: он считал необходимым восстановить в правах ту, которую любил в своём воображении. Он полагал, что над Лолой, в которой царит насилие, и над которой он не имел никакой власти правосудие отсутствует. Поэтому он и пришёл однажды к убеждению, что для него самое место там, куда на ночь скрывается солнце. Он не сомневался в том, что справедливость, если ей суждено быть восстановленной, сама возвратит ему Лилит вместе с собой.

Женская фигура в дверях не двигалась. Алорк поднялся и подошёл ближе. Живое тело ярче выразилось от поднесённой лампы, взглядевшись в лицо старик увидел Лолу. Он вздрогнул и отшатнулся с чувством страдания, затем к лицу её он поднёс лампу. За вспышками пламени возникло лицо той, которую он любил и которую помнил, за живым лицом которой проступала непроглядная чернота. Он вглядывался, пока женщина не возникла перед ним с ещё большей отчётливостью. Она, как будто придвинулась к нему ближе.

– Лилит! – воскликнули его уста. – Ты вернулась!

Алорк отвёл взгляд от проявившейся во тьме Лилит и уставился на круглый череп её жизненности. Он будто убеждался в отсутствии в нём жизненной силы, он был охвачен знакомым ему чувством. Это был не страх, а скорее ощущение её рядом живой и ощущение отсутствия её мёртвой в черепе. Лола продолжала лелеять надеждой и не нуждалась ни в чём, кроме плоти своего тела.

– Ты у меня в крови, – сказал он Лоле, – и это чувство не изживает во мне уже четыре десятка лет.

То было для древних вполне естественным убеждением. Находя оправдание в каких-то неведомых нам фактах, они полагали, что кровь является некой душой – таинственной силой, способной выявиться в чужой крови, способной проявиться героизмом поверженного героя или чувством погибшей любовницы. Это чувство возникало из вобранной в тело крови-души, выпитой из кровавой горловины отрубленной головы. Такое убеждение являлось одним из догматов древнейшей религии, которую он исповедовал. Религия настойчиво внушала такие убеждения, подобно тому, как они твердили народу о бессмертии человека.

Погружённый в размышления он вспомнил о той, которая эти мысли вызвала. Лола окончательно сошла к нему, и он мог видеть очертания всего её лица – розовое в свете лампы. На фигуре её пурпурный хитон. Под тонким бисусом грудь. Сосцы неестественно вздулись, живот чуть-чуть выпирал. Руки, в коротких рукавах, по-весеннему белы, согнутая в колене правая нога подгибалась к левой. Вся поза женщины казалась тщательно продуманной, точно знала к чему стремилась. Правда обитала в ней. В её приятной наружности проглядывалось искусство чародейки в блюде. В такой женщине раскрывается сама глубина и полнота природы женщины вообще.

– Ты знаешь, как преподнести себя.

Он с интересом глядел на женщину желая убедиться, что он её ждал. Тонкая рука протянулась к нему: он различил ладонь. То, чего он желал видеть, обладало всегда особой притягательной силой, подчас непреодолимой. И должно быть она заметила это, что он – закрыв лицо руками – подглядывал, когда она раздевалась.

Старик вперил взор в женщину, тянущую из него жизненную силу и то, был дивный сон его любви. Он не в силах был крикнуть.

«Неужто жизненная сила черепа, – думал он, – вступила в союз с живой головой? Действительно ли передо мной Лили? Да, и в том я убеждён!»

Никаким усилием воли он не желал заставить себя оторвать взгляд от светловолосой женщины.

– Из уст твоих исходит не пустословие, – сказал он. – Ладони твои облагорожены. Ноги мои сгибаются, чтобы совершить высшее и обследовать твою глубину – тот мрак ночи, за чертогом которой капище великой тьмы.

– Платье моё, милый, – отвечала жрица любви, – тень сумерек, а её адетон поражён чувственностью. Моё ложе – глубина пропасти. Моё жилище – ложе тьмы и в ночной тьме этой моё владычество. На основании мрака я располагаю своё жилище, где проживаю под магалией²⁵ безмолвия, в освещении вековечного лунного пламени Тин_ниТ. И нет у меня удела среди тех, кто ярко светит. Горе мне, обладающей таким несчастьем, ибо пути мои – пути смерти. Стезями страдания являются мои слёзы, колея судьбы напоминает о смерти. Входящие во врата не вернуться и все обладающие вратами смерти сойдут в бездну. И нет возможности успокоить себя. Ноги вечно не торопятся, глаза не бросают мимолётные взгляды в разные стороны и веки не приподнимаются игриво, чтобы взглянуть на мужчину и заставить его споткнуться об избранницу праведности. Глаза её не бросают взгляд на мужчин что бы обольстить чадодейкой, чтобы подступились к ней и шествовали рядом, чтобы направились к пропасти её родника, чтобы обольстились женщиной.

Хочу предупредить читателя, что Алорк был здравомыслящим человеком. Что тут подлаешь? Ведь не мог человек устоять, когда бесчисленные жрецы убеждали его мужество идеями, которые мифом, слухом и сном проникали в сердце и грели кровь. Мужество его должно было подвергнуться такому безжалостному испытанию, как правдивость того времени.

Череп теперь лежал ближе к краю стола, но он двигался его рукой и обе руки его переместили череп ещё ближе! Холодный порыв ветра ударил в лицо, бумажные листы на столе зашуршали. Резко очерченная тень сошла с черепа и кость его белесо осветилась луной. Холодный луч разрушил сковывавшие его чары, расколол безмолвие и одиночество, рассеял сон и вернул к рассуждениям мужество Великого Писаря.

Он внимательно читал:

В 6640²⁶ лето от Сотворения Мира в Звездном Храме, у берегов реки Молоки²⁷, что в Верхней Габии, родилась дочь, получившая от родителей имя Инь Тэри²⁸ (Нетери), а от Эйвы имя Дейя²⁹.

Дни её юности протекали среди лихорадочного боевого возбуждения, которое неизбежно следует за кровавыми столкновениями. Новорожденная была обожжена первым глотком воздуха, горячим от воинственных распрей. Скоро Дейи колокол возвестил о предстоящем её крещении; он уже звучал набатом. Тай, отец – фалос³⁰, и Туйя мать – вагина³¹, принадлежали роду СВЕТА и были уроженцами луноликого храма Тейя Ань, возвышающегося над боровицким холмом.

Алорк задумался, подпёр пальцы в подбородок, и некоторое время спустя он внёс в свою страницу следующую запись:

²⁵ Навес над ложем.

²⁶ 1132 год.

²⁷ Москва река.

²⁸ Дочь Тора.

²⁹ Дейя – Тейя, Диа, Донна, Дио – Донна.

³⁰ Фал – Тар, Дар, Дорийцы – самоназвание арийцев.

³¹ Вагина – Сосуд, кувшин и как штандарт Маат: Благодатный полумесяц со звездой Амалека (Амильки) между рогов.

«В 6649³² лето от Сотворения Мира в Звездном Храме Дейи Нетери была зачислена в школу Тайницкой баини капица Мосул Кале, в возрасте девяти лет пяти месяцев».

Новоприбывшая была выходцем из страны Габия, которая воевала по инерции и воевала с такой силой, что смогла сохранить не только свой собственный характер, но и сохранить независимость. Она говорила только на местном наречии своего родного края. Лицо её было светлым, как у данайцев, а взгляд тёмный и пронзительный. Этого оказалось достаточным, чтобы возбудить к ней любопытство и увеличить её природную замкнутость, ибо детское любопытство подруг насмешливо и не знает жалости. Однако стали давать ей отдельно уроки раамонейского языка³³. Спустя три месяца она настолько преуспела в нём, что была готова приступить к изучению Тартесийского языка. Но некоторое отчуждение и нежелание доверять кому бы то ни было свои идеи создало между ею и её подругами нечто вроде барьера, который до конца так никогда и не исчез. Первые её впечатления виденного, оставили в ней память отдававшейся злобой, которая породила раннюю мизантропию, которая заставила её искать развлечения наедине. В этом кое-кто хотел видеть пророческие мечты зарождающейся Маат. К тому же некоторые обстоятельства, которые в жизни любой другой девушки остались бы незамеченными, дают некоторые основания для рассказов тем, кто желал бы добавить необычное детство к будущей её чудесной зрелости.

Одним из её самых привычных развлечений было гуляние по маленькому зеленому саду, окруженного изгородью, куда она обычно удалялась в часы отдыха. Однажды, зимой 6650³⁴ года выпало такое количество снега, что Инь Тэри предложила построить из снега городское укрепление, которые одни девушки будут атаковать, другие защищать. Предложение оказалось притягательным, чтобы быть отвергнутым. Она, естественно, была назначена полководцем. Осажденный ею «ледяной город» был взят, несмотря на героическое сопротивление защитниц. Это развлечение оставило глубокий след в памяти девушек. В их памяти каждый раз всплывали снежные «оплоты», взятые приступом, когда они видели стены городов, павшие перед упорством Дейи. По мере того, как Нетери выросла, идеи, глубоко засеянные в ней, развивались, и уже можно было увидеть их контуры. Потеря левобережья реки Пад, придавало ей образ побежденной в лагере победителей, что было для неё непереносимо.

В поле зрения Алорка оказался рукописный лист бумаги и ему понадобилось мгновение, чтобы взять его в руки. За ставнями ветер дул со страшной силой, и Червлёное море было чрезвычайно бурным. Он почувствовал себя нездоровым, он даже присел: внезапно поднялся шторм, но воздух в комнате оставался тёплым. Алорк взглянул глазом в прорезь ставни: казалось, что за ним воздух насыщен мелкими крупинками воды. Держа лист, он раздумывал над ним, наконец он высказался:

– Как это получается? Я часто пишу то, что не в состоянии описать другой, тот кто всегда участвует в событиях? Не кажется ли это противоречащим здравому смыслу? – Сказав это, он подмигнул лежащему рядом черепу, давая понять ему, что, хотя он и ведёт себя скромно, он на самом деле является лучшим писарем.

Он возвратился к некоторым подробностям ранних лет жизни Тейи, которые он собирал в различное время. Только упрямство возвело её на трон. Свидетельство текущих событий недвусмысленно говорило об одном: как низвергнутый исполин она жила прошлым, тщетно стараясь заглушить воспоминания о бурной хозяйственной деятельностью на маленьком клочке суши, окруженным водами моря.

³² 1141 год.

³³ Форма древнеармянского языка называлась **грабаром**. Предки армян называли себя хаттами = геты. Раамоняне: поклонники храма Амона, Армения = Германия – одно и то же слово, только в разных языковых произношениях.

³⁴ 1142 год.

В полдень Тейя обедала с Великим писцом. Обед был весьма непритязателен. Блюда она предпочитала самые простые. Фасоль белую или зеленую, которую очень любила, приготовленную различными способами, даже просто отварную. За столом она пила обычно пиво, редко употребляла вино. Удалившись в свои апартаменты, она надевала халат и ждала там принятия ванны, на которую уходило обычно час или два, а за тем проходила в кабинет. Она там читала, порою диктовала: Алорк вёл запись. В шесть часов подали ужин. На нём присутствовали близкие люди. Вечер прошёл в оживленной беседе.

Тейя выговаривала ему:

– Алорк, вы ошиблись годами.

– Вы, Маат, можете не помнить, – парировал он, а я должен помнить.

Действительно, Тейя была женщиной прижимистой. На замечания в отношении её чрезмерной точности отвечала:

– Вы не знаете, что говорите; положение дел непрерывно изменяется, и если однажды вы вновь окажетесь на моём попечении, то будете благодарны мне за то, что я делаю сегодня.

На долю этой женщины выпало немало и горя, и испытаний, что закалило железный характер прекрасной финикиянки. Тейя была достаточно умна, чтобы с сомнением относиться к суетности и непрочности всего происходившего вокруг её. Она прекрасно разбиралась в людях и обладала большим тактом. Стоило ей взглянуть на человека, как она разгадывала его, и тот ещё не успевал выйти из комнаты, как она уже знала, чего он стоит, делая при этом вид, что не обращает на него внимания.

Пребывание на Пан Ти Капище, безусловно, не определяло её оторванность от мира политических страстей и амбиций. Рабочий день Тейи заканчивался поздно вечером. Она прощалась с присутствующими и уходила на покой. А Алорк начинал разбирать записи. Он придвинул лампу и погрузился всем своим вниманием в бумажные листы, на каждом из которых он правил пером и чернилами. Решительные губы и большой лоб старика говорили, что владелец их наделён блестящими способностями мыслителя. Его упорство, терпение и выносливость позволили ему достичь своей цели, ведь тому, кто сумел поставить себя среди знаменитых граждан затеряться было не так просто. Он хорошо зарекомендовал себя и теперь желал упорным трудом хрониста-писаря сохранить себе репутацию. Пером и чернилами было написано.

ГЛАВА – 3

Обратитесь облику луноокой, я изолью на вас луч мой, возведу вам слова мои. Ты позовёт, а вы послушаетесь. Ты простерла руку и были внимающие. Вы не отвергли советы и обличения мои приняли. Я порадуюсь, когда придет на вас радость, как буря, и как вихрь, когда постигнет вас достаток. Будете звать меня, и я услышу, с утра будете искать меня, и вы найдёте меня. Вы будете вкушать от плодов путей моих и насыщаться от помыслов моих. Потому что слушающий меня будет жить безопасно и спокойно, не страшась зла.

Притчи Тин – ниТ.

В

6649³⁵ лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. Пан Пий³⁶ провёл близ Синопы большие манёвры флота и, убедившись в его полной готовности к войне, приказал принести жертву морю с просьбой о даровании победы. На виду у всего флота, выстроенного широким полумесяцем вокруг величественной барки, в море была брошена пара белых коней.

³⁵ 1141 год.

³⁶ Пий – воля и власть – Пир = молния – громовержца, защищающая миры людей. Сила, могущая придать энергию развития. Тут личное могущество, но могущество это не отягощено мудростью.

Параллельно, принеся жертвы Воителю Мелькарту, Пан Пий отбыл к войску. Вся Малая Азия пришла в движение. Разорённые военным налогом и господством раамоныян, жители городов в большинстве своём радостно приветствовали наступающую понтийскую армию. Он в короткое время овладел всей Каппадокией. Расставив гарнизоны по её крепостям, он, тем самым, закрыл раамоныянам путь к Йоросу. Другой отряд пунийской армии вторгся в Тракию и Пер Хамм. Города открыли свои ворота пунийцам, но военные действия в центральной части Малой Азии затянулись из-за активного сопротивления гетов. Тем не менее Пан Пий с главными силами стремительным маршем двинулась через Патрагонию и Куру Латю в Вифинию. На девятый день пунийское войско достигло ее границ. Продвигаясь по Вифинии, войско Пан Пия почти не встречало сопротивления.

Гет Ра Аман отступил к городу Холка Атона, что у Босфора, а следом за ним к городу подошли отряды Пан Пия. Тем временем луканийская армия Лук_куЛа быстрым маршем подошла к Халкидону. Достаточно ему было выждать несколько дней и исход войны мог бы быть решен в одном сражении. Но жажда славы в нём оказалась сильнее здравого смысла. Это погубило многих воинов его армии. Не соединившись с Гет Аманом, он приказал начальнику флота атаковать пунийцев.

Атакующих встретили градом стрел, а затем луканийцы бросились в рукопашную схватку. Некоторое время они сражались, сохраняя боевой порядок. Но уже вскоре наиболее сильные и смелые воины в армии Пан Пия, опрокинули нападавших. Беспорядочное отступление превратилось в паническое бегство. Масса беглецов столпилась у ворот Холки Атона. Городская стража, опасаясь, что пунийцы ворвутся в город вслед за бегущими, закрыла ворота. Началось беспощадное избиение побежденных. Некоторых луканийских военачальников успели поднять на стены на ремнях. Простые же воины в большинстве своём погибли. Как только луканийское войско обратилось в бегство, Пан Пий бросил в наступление свой флот. Корабли, разорвав медные цепи, загораживающие вход, ворвались в гавань. Напуганные горожане почти не оказывали сопротивления. Победа высоко подняла боевой дух понтийской армии. Однако силы армии Гет Амана не были исчерпаны, и Пан Пий не решился на немедленный штурм стен Холки Атона. Его войско приступило к осаде города. Флот частью сил блокировал подступы к городу с моря, а две эскадры по 40 кораблей были отправлены на Крит. Но видя нежелание Гет Амана померяться силами с понтийским войском, Пан Пий снял осаду Холки Атона и подвёл армию к богатому и более важному городу Кизику.

Кизик был расположен на острове у самого материка и связан с ним мостом. Пунийское войско окружило город десятью лагерями. Флот занял пролив, отделяющий город от материка. Небольшой отряд воинов, переправившись на остров на кораблях, укрепился на Диндименских высотах, господствующих над городом.

Гет Бел Ра Аман, последовавший за пунийским войском, расположился лагерем на высокой горе в тылу его позиций. Отсюда он мог беспрепятственно доставлять продовольствие в свой лагерь и в то же время успешно действовать на коммуникациях противника.

Приближалась зима. Всё острее в лагере пунийцев ощущалась нехватка продовольствия. Продолжение осады Кизика становилось бесполезным и опасным. Не видя иного выхода, Пан Пий приказывает штурмовать город. Перед штурмом к его стенам были подвезены на кораблях пленные горожане, которым угрожала смерть в случае отказа города от капитуляции. Несчастные пленники простирали руки к стенам и умоляли своих сограждан пощадить их и сдаться. Руководитель обороны стратег Писистрат отказался открыть ворота.

Тогда к стенам поползли осадные орудия. За ними двинулись войско и флот Пан Пия. Кизикийцы отчаянно защищались. Они камнями разбивали бревна таранов или петлями отводили их в сторону. Метательные снаряды с огнем они встречали водой и уксусом или тушили их одеждой и кусками материи.

На помощь городу пришла погода. Сильный ветер опрокинул и разрушил многие осадные машины. Погибли и многие корабли. Удалось разрушить только часть стены, но никто из пунийских воинов не смог прорваться через горящие развалины. Ночью же кизикийцы восстановили разрушенный участок. Сильная буря, бушевавшая несколько дней, разбила уцелевшие во время штурма осадные сооружения. Пан Пий приказал рыть подкопы под стены, надеясь, что здесь природа не сможет помешать ему.

Для того, чтобы поддержать дух уставших от боев жителей города, Гет Аман отправил к ним своего гонца. Посланник, подложив под доску два надутых меха и действуя ногами как веслами, благополучно добрался до города. Известие о близости Гет Амана укрепило решимость горожан продолжать сопротивление. Они постепенно начинают переходить от обороны к наступлению. Подорвавшись под пунийские подкопы, ведущиеся со стороны Диндименских высот, кизикийцы истребили их строителей, а затем отбили и высоты. Во время одной из вылазок они едва не захватили в плен самого Пан Пия.

Голод в пунийском лагере усиливался. Чтобы спасти войска, Пан Пий отправил конницу в Вифинию. Вместе с ней двинулся обоз и наименее боеспособная часть пехоты. Обходя тартессийские укрепления, колонна пунийцев медленно удалялась на север. Узнав об этом, Гет Аман с 10 когортами пехоты и всей конницей устремился в погоню. Застигнутые в пути снежной бурей, туски с трудом продвигались вперед. Многие легионеры выбились из сил и отстали. Измученные не меньше, чем преследуемые, туски настигли пунийцев на переправе через реку Риндак. Сражения как такового не было. При виде тусков часть понтийского войска сразу разбежалась, часть сдалась в плен. Получив известие о катастрофе при Риндаке, Пан Пий приказал снять осаду Кизика и отступать. Сам он с частью воинов отплыл на кораблях. Остальное войско двинулось сухим путем на Лампсак. На месте остался небольшой отряд, который должен был отвлечь неприятеля. Но Гет Аман уничтожил этот отряд. Затем он поспешно двинулся в погоню за остальной пунийской армией. У реки Эсеп он настиг остатки войска и нанес им еще одно поражение. Уцелевших воинов Пан Пий на кораблях вывез вместе с жителями Лампсака, державшими его сторону. После этого он выделил отряд для обороны подступов к черноморским проливам, сам же двинулся на кораблях в Никомедию.

Тем временем, Гет Аман, собрав флот, приказал ему выступить против флота Пан Пия. Он осадил Апамею и в скором времени овладел городом, устроив массовую резню граждан, искавших убежище в храмах. Несомненно, расправа была произведена для устрашения жителей других городов. Если Лук_кул громил отряды Пан Пия, оставленные у входа в черноморские проливы, то Гет Аман осадил самого Пан Пия в Никомедии, но осада им велась вяло.

Пан Пий принял решение уходить в Понт. Зима уже полностью вступила в свои права. При выходе флота Пан Пия в Червлёное море его застигла страшная буря. Она рассеяла корабли в разные стороны. Флагманский корабль дал течь и стал тонуть. С большим трудом Пан Пий пересел на легкое судно и прибыл в устье реки Гипия, где провел остаток зимы.

В 6650³⁷ лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. Оставив города на попечение гарнизонов, Пан Пий удалился во внутренние районы Понта и стал лагерем у города-крепости Кабейра. Отсюда он послал гонцов за помощью к своему сыну Магору и соседним с ним азсакам³⁸. Сам он бросил отряд воинов навстречу тракиям с приказом возможно дольше задерживать их продвижение.

Часть воинов Пан Пий собрал из собственных подданных. Но отправленный им за помощью к азсакам Диокл бежал к раамонянам, прихватив с собой все драгоценности, полученные от Пан Пия. Сын же Магор даже не ответил на призыв отца. С этого времени и чем дальше, тем больше Пан Пию приходится рассчитывать почти исключительно на самого себя. Круг дове-

³⁷ 1142 год.

³⁸ Знакомое нам созвучие «казак».

ренных лиц становится всё меньше. Число же явных и тайных врагов и просто недоброжелателей растёт и изменить что-либо в этом процессе он уже был не в силах.

Весной пройдя Вифинию и Галатию, войско Гет Амана вступило на территорию собственно Понта. Он решает приступить к осаде приморских понтийских городов. Но Пан Пий постоянно посылал гарнизонам городов по морю оружие, продовольствие и новых солдат. Осада Мельгарда оказалась безуспешной, жители города сражались вместе с понтийским гарнизоном. Первый штурм был отбит с большими потерями. Неудача вынудила Гет Амана, руководившего осадой, начать блокаду города. Но едва в городе стал ощущаться недостаток продовольствия, как жители отправили своих представителей в Корсунь и Диокурий, где они получили все необходимое. Червлёное море еще полностью находилось во власти понтии, и блокада оказалась неэффективной. Все дальнейшие попытки Гет Амана штурмовать Мельгард оказались безуспешными.

Значительно хуже оказалось положение союзников Пан Пия в Малоазийской Тракии. Племена летом были наголову разгромлены Луккулом. К зиме туски захватили все подвластные Пан Пию города западнопонтийского побережья. Червлёная держава Пан Пия дала первую трещину. Ему потребовалось собирать новую армию.

В 6651³⁹ лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. Ранней весной Гет Аман повёл армию вдоль Альбийских гор по побережью Червлёного моря. Сторожевые посты огневыми сигналами предупредили Пан Пия о появлении противника. Понтийская кавалерия встретила тусков и в сражении она одержала блестящую победу. Гет Аман поспешил отступить в горы. Несколько раз Пан Пий выстраивал своё войско, вызывая на бой, но Гет Аман уклонился от сражения в невыгодных для себя условиях. Тем временем кавалерийские разъезды понтийцев разгромили ещё несколько небольших отрядов тусков, занимавшихся сбором продовольствия. Наконец Пан Пий устроил засаду большому отряду, доставляющему продовольствие из Каппадокии. В засаде укрылась лучшая понтийская конница, которая атаковала в узком ущелье, не дожидаясь выхода их на равнину. Все преимущества боя в этом случае были на стороне пехоты. Туски успели перестроиться из походной колонны в боевую и обратили в бегство конников Пан Пия. Рассказы беглецов, некогда составлявших наиболее боеспособную часть армии, оказали паническое воздействие на солдат. Опасаясь нападения Гет Амана при таком состоянии своей армии, Пан Пий приказал отступать, но отступление превратилось в паническое бегство. Сам Пан Пий, брошенный своими слугами, с трудом выбрался из лагеря.

В 6652⁴⁰ лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. Прежде всего Гет Ра Аман решил завершить подчинение причерноморских городов Понта. Ещё сражались с тусками гарнизоны Гераклеи, Синопы и Амасии – первой столицы Малоазийского Понта. Особенно сильные бои шли у стен Мельгарда.

Весной к острову Тенедос подошла эскадра Пан Пия, отправленные им в начале войны на Крит. Многие из понтийских кораблей, потрепанные морскими штормами и сражениями, были почти негодны к бою. Узнав о возвращении понтийского флота, туски вышли ему навстречу. Их суда были хорошо подготовлены к бою и имели полностью укомплектованные и отдохнувшие экипажи. Тем не менее, измученные долгим походом и частыми боями, понтийские моряки не отказались от битвы и оказали яростное сопротивление. Ни один корабль не сдался в плен. Часть их была потоплена, остальные были захвачены в бою после полной гибели их экипажей.

³⁹ 1143 год.

⁴⁰ 1144 год.

Вскоре после этой победы уже тартессийский флот подошёл к городу Мельгард. Как только в море показались корабли, Гет Аман двинул своё войско на город. Взволнованные неожиданным появлением вражеского флота, жители немедленно вывели в море свои корабли. При этом часть кораблей вышла в море с неукомплектованными экипажами. Таранными ударами туски сразу же потопили несколько кораблей противника, мельгардцы отступили в свою гавань. Тартессийский флот занял внешнюю гавань города и установил жесткую блокаду. Ни один корабль с продовольствием не мог уже прорваться к городу. Начался голод.

В 6653⁴¹ лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. Весна. Стратег города Мельгард посадил свое войско на корабли и отплыл из города, а городские власти, открыв ворота, впустили в город войска Гет Амана.

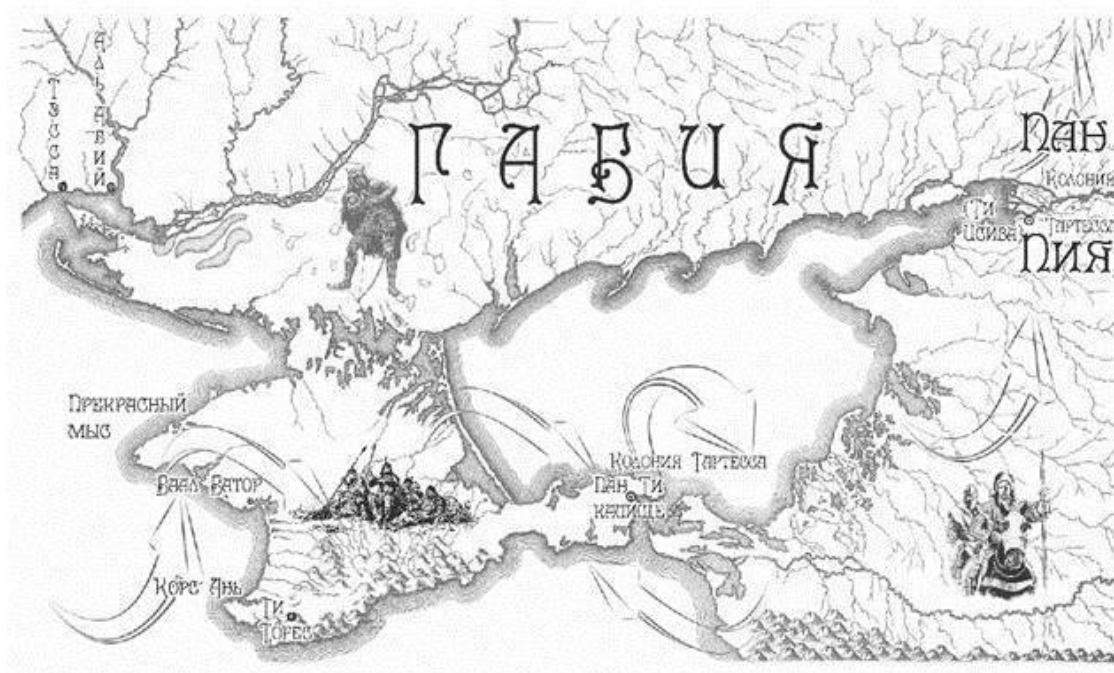
В это же время осаждалась Синопа. Это была столица Пан Пия: крупнейший город Причерноморья. Она защищалась десятитысячным гарнизоном, состоящим, в основном, из киликийских ратников. Синопа оставалась единственным приморским городом, сопротивлявшимся врагу. Цвет Тартессийской армии собрался теперь у её стен. А помощи городу ждать было неоткуда. Началась тайное отправление казны в Батум, где в это время находился Магор, сын Пан Пия. Правители решили прежде всего позаботиться о самих себе, они бежали на легких кораблях. Таким образом, стратеги Пан Пия бросили не только население города, но и собственных воинов. Увидев в городе пожар и угадывая его причину, Гет Аман приказал начать штурм города. Тракии без труда взобрались на стены и ворвались на улицы понтийской столицы. Солдаты перебили киликийских латников и начали грабеж города. Бесчинства солдат продолжались целый день. Гет Аман не мешал своим воинам. Осенью пала и Амасея, первая столица Азийского Понта. Покорение Азии было завершено. Пополнив свое войско за счет пленных наёмников Пан Пия, Гет Аман оставил в Понте один легион, а сам с двумя отборными легионами выступил в поход на север вдоль побережья Червлёного моря.

В 6654⁴² лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. В этот год войско Гет Ра Амана вторглось на Северный Кавказ. Послав отряды в города побережья в качестве гарнизонов, он обеспечил возможность пополнения своей армии и её снабжения. На территории города Еван (Евон = синоним Атона) он основал свою столицу. А предложенный им выпуск собственной монеты в Дио Курии⁴³ предоставил этому городу те же права, что имели города Тартессийской сатрапии —, это было следствием активной помощи Гет Ра Аману в ходе войны.

⁴¹ 1145 год.

⁴² 1146 год.

⁴³ Сухуми.

Однако попытка пробиться на север, территорию Сандикии вдоль Кавказского побережья (через Колхидон) не увенчалась успехом. Пан Пий успешно оборонял пути туда ведущие. Такое обстоятельство вынудило Гет Амана изменить план военных действий. Воины Гет Амана погрузились на корабли в Дио Курии (Сухуми). Флоту было поручено обеспечить доставку на Ка Ра Амонд лучшей части армии. Войска достигли берегов острова и сразу же вступили в бой. Пан Пий внезапно напал на Гет Амана с большим войском, тот принял битву и обратил в бегство Пана Пия считавшегося непобедимым. Далее, совершив много важных дел, он проник в середину острова. Вышло то, что почти всё сделалось подвластным Гет Аману, чья цель была подчинение всего Ка Ра Амонда. Это подтверждается основанием тартессийского города Бей Батор (Евпатория).

Судьба войны теперь решалась в Ка Ра Амонде; именно здесь он решил сосредоточить свои основные усилия. Ему удалось беспрепятственно высадиться недалеко от Бал Батора и занять гору Тео Дорос, которую он превратил в свою военную базу. Лучшего выбора сделать было нельзя. Крутые обрывы делали гору неприступной со всех сторон и позволяли укрепить ее без особого труда; на вершине – большом плоском кругообразном плато – находились пастбища и пригодные для обработки земли; на нем же и холм, который легко можно было превратить во внутреннюю крепость и наблюдательный пункт. Дороги, две из глубинных районов острова и одна от моря, занятая войсками, были труднопроходимыми, так что опорный пункт Гамилькара был почти недоступен для врагов. Однако, насколько об этом можно судить, четкий план наступательных операций на острове Гет Аман так и не разработал; во всяком случае, в его дальнейших действиях какая-либо планомерность не прослеживается. Более того, создается впечатление, что он был связан своей базой в Тео Доре.

Опираясь на нее, Гет Аман постоянно совершал набеги на области Ка Ра Амонд. Когда пунийцы создали свою базу неподалеку от Тео Дора, рассчитывая сковать неприятеля, он в течение трех лет вел с ними изнурительную повседневную войну. Решающего сражения не было. Равновесие нарушилось только тогда, когда тартессиям удалось осадить пунийский лагерь. Однако и здесь решающего результата он не добился. Осада затянулась. В результате полководец утратил инициативу и не смог помешать врагу изменить ход событий.

Однажды за столом в беседе он вскрикнул:

– Мои предчувствия меня не обманывают! Ка Ра Аманд ещё не приобретён. Мне необходимо вывезти Тейю Инь Тэри из Тайницкой Башни!

Действительно, он пришёл к тому положению, какого он себе и желал, – достаточно счастливому, чтобы видеть в себе спасителя.

Является вызванный им легат.

Он приказал ему приготовить четыре галеры, с запасом продовольствия на два месяца для двухсот человек.

Перед тем он пишет послание Тейе:

«События в Нижней Габии заставляют меня отправить к Вам гонца. Я предоставил командование экспедицией готу Алорку. Хочу призвать Вас совершить поступок. Чтоб услышали о Тейе Нетери. Я не могу сказать большего. Мне радостно подарить инфантерам, к которым я привязан, габийскую Мать Исиду. Алорк, которого я посылаю, пользуется доверием армии и моим».

На следующий день Алорк поднимается на галеру и намеривается выйти в Киммерийское море, Амен Гет возражает:

– Я хочу», – говорит он, – чтобы вы, насколько это возможно, следовали меж берегов рек Пад и Баал Га⁴⁴. Вы будете держать этот путь до Сак Ань Динавии. У вас лишь горстка храбрецов и совсем нет кавалерии. Если появится враг, вы сойдёте на берег и сушей доберётесь до Тайницкой Башни, а там вы найдёте Нетери.

На протяжении двадцати одного дня западные и северо-западные ветры и течение реки тормозили галеры. Наконец почувствовались первые порывы южного ветра. Алорк поднимает паруса.

Через восемь дней вечером замечают эскадру из четырёх габийских галер; ему предлагают возвратиться.

– Нет! – властно выкрикивает Алорк. – Поставить все паруса. На северо-запад, на северо-запад, вперед!

Ночь проходит в волнении. На двадцать первый день, на рассвете, показывается кремль Мосул Кале. Алорк не покидает палубу. Он приказывает приготовить большую лодку и отрядить к ней двенадцать варягов для высадки на берег. Но днём все предосторожности становятся ненужными, все опасения рассеиваются. Четыреста галер Гет Амана становятся рядом на рейде. Тотчас разносится слух, что под шпилем кремля находится Нетери. Речная гладь разрезается множеством судёнышек. Все нормы безопасности совершенно забыты толпой.

– Нам больше нравится Нетери, – отвечали они, – чем Пан Пий.

Был праздник и триумф.

Наконец, после проявленного энтузиазма и восхвалений Гет Аман ставит ногу на землю, где нет больше врага. Есть только одна она, по словам Алорка, та кто всё знает, кто всё делает, кто может всё.

Войско Пан Пия, состоявшее преимущественно из копейщиков, медленно отступало. Его численность теперь была гораздо меньше численности вражеского войска. И если конница еще способна была наносить сильные удары, то пехота годилась только для оборонительных действий. Бои в разоренной стране были трудными для обоих противников. В конце концов Гет Аман отказался от стремления решить исход войны в генеральном сражении и решил переправиться с острова в собственно область Синдика. Это ему удалось. Пан Пий немедленно последовал на встречу и преградил войску путь. Хорошо укрепившись, он наносил непрерывные удары своей легкой конницей и лучниками. На некоторое время Гет Аман был вынужден даже отступить. Но вскоре подошли его когорты и войско вновь встало лагерем напротив понтийцев.

⁴⁴ Волга = Сияние Ка – Ка посредник между мощами (реки) и небом.

Гет Аман расположил цепь постов вокруг лагеря Пан Пия и стал окружать его валом. Первоначально Пан Пий не придавал значения этим действиям врага. Цепь их постов вокруг его лагеря была не настолько плотной, чтобы ее невозможно было прорвать. Но тракии опустошили окрестности и уже скоро в лагере начался голод. Пан Пий приказал перебить выючных животных, кроме коней, но и этот источник пищи вскоре иссяк. Через 45 дней, после начала блокады, он приказал отступать. Перебив больных и раненых, чтобы они не достались врагу, глубокой ночью понтийцы в полной тишине двинулись в путь на северо-запад. Небольшая группа воинов почти до рассвета оставалась в лагере и поддерживала костры, чтобы обмануть противника. Стремясь сбить со следа, погоню и не дать тускам обнаружить направления отступления своей армии, Пан Пий вел войско ночами, а днем скрывался в лесах.

Обнаружив бегство неприятеля, раздосадованный Гет Аман бросил свое войско в погоню и несмотря на меры предосторожности, предпринятые Пан Пием, уже на третий день настиг понтийцев. Разгадав замысел увлечь его за собой на север, Гет Аман решил дать ему генеральное сражение. Его легионеры заняли пути возможного отступления понтийской армии, вынуждая её к сражению в невыгодных для себя условиях. Но иного выхода уже и не было. Пан Пий отдал приказ готовиться к бою. Опасаясь, что Пан Пий обманет его и уйдет ночью, Гет Аман в полночь поднял своих воинов и повел их к понтийскому лагерю. Часовые заметили движение войска противника и подняли тревогу. Стрелки и гоплиты Пан Пия быстро выстроились перед лагерем для боя. Конница встала рядом с пехотой, а 800 отборных всадников остались в лагере в качестве резерва. До последней минуты Гет Аман колебался – начинать ли ему сражение в полной темноте или дожидаться восхода солнца. Большинство командиров легионов убеждали его не медлить. Но пока он внимал их убеждениям, сражение, как это часто бывает на войне, началось, само собой.

Луна, освещающая поле боя, постепенно уходила в ночные облака. Колеблющиеся тени легионеров стали постепенно вытягиваться в направлении строя понтийских воинов, создавая иллюзию их движения. Свет заходящей луны бил в глаза воинам Пан Пия. Зная по опыту прежних боев наступательный порыв тусков, они не сомневались, что враг приближается. Едва тени достигли их строя, они обрушили град стрел и копий, но их метательные снаряды ударили в пустоту. Заметив это, туские легионеры, не дожидаясь приказа о наступлении, бросились в атаку. Воины же Пан Пия, видя, что их оружие не причинило вреда врагу, обратились в бегство. Но бежать было некуда. Лагерь был окружен отвесными скалами. Многие воины погибли, падая с них. Другие были уничтожены подошедшими тусками или затоптаны в бегстве своими товарищами. Едва понтийская пехота обратилась в бегство, Пан Пий с восемью сотнями всадников резерва бросился на врага. Давя своих и чужих, он прорвался сквозь строй наступавших войск. Следом за конницей устремилась часть понтийской пехоты, еще сохранившая организованность. Но вырваться удалось немногим. Сам он вскоре остался всего лишь с тремя всадниками. Среди них находилась гетайра Гета Сакра, всегда проявлявшая мужество и смелость. Она была одета в мужскую одежду и участвовала в бою рядом с Пан Пием. Беглецы прибыли в крепость Сан Ория, где у Пан Пия было большое количество средств. Вскоре в крепости собралось около 3000 воинов, уцелевших после сражения. Пан Пий роздал им плату за службу за год вперед. Как только тракийцы стали приближаться он нагрузил на повозки свою казну и двинулся к истокам Пада. Здесь обманувшись в своих ожиданиях врага, он с новой армией решил вернуться на остров Ка Ра Аманд и снять осаду своей северной столицы – Пан Ти Капуи.

Пан Пий попытался атаковать Гет Амана на трёх участках; гарнизон города сделал то же самое. Так что сражение шло одновременно на шести участках. Повсюду Пан Пий был отброшен. Между тем положение Пан Пийя ухудшалось; ощущалась нехватка воды для людей и нехватка корма для лошадей. Лошади и выючный скот имели в качестве фуража только листья и стебли размятого тростника. Вскоре выючных животных лишили и этого, чтобы сберечь этот корм, как бы плох он ни был, для лошадей. Мулы и ослы перемерли; смрад от их трупов поро-

дил в лагере нечто вроде эпидемии. Наконец удалось раздобыть ячмень – это вместо овса, но лошади оказались непривычными к такому корму.

Наконец Пан Пий решил выступить из лагеря. С наступлением ночи он снарядил легкую пехоту с охапками хвороста заваливать рвы. Затем он вывел из лагеря когорты и повел их вдоль моря к участку лагеря, находившегося ближе к берегу и дальше всего от расположения Гет Амана. С этой стороны лагерь имел две линии укрепления. Первая состояла из рва и вала высотой в десять футов; другая линия, на расстоянии в сто шагов от первой, была не только слабее, но еще и не законченной. Пан Пий стянул свои силы к этому участку.

На заре он атаковал. Обороняющиеся обратились в бегство. К счастью, подоспел зять Гет Амана по прозвищу Барка с двумя когортами. Но избиение уже свершилось. Ни Барке, ни Гет Аману не удалось собрать бежавших. Гет Аман сам едва не погиб. Он уже думал, что все пропало; и так оно и было бы, если бы Пан Пий не усомнился бы в своей удаче, и не дал ему время собраться с силами. Пелтасты Пан Пийя отступили в полном порядке. Гет Аман провел скверную ночь. Он упрекал себя в том, что пришел объявить войну Пан Пийю на пустынный берег, где его солдаты умирали от голода в то время, как он никак не мог уморить голодом Пан Пия, которого кормил флот.

Теперь его армия вынуждена была отступить, но, когда воины были извещены об этом, и узнали, что такое принято решение потому, что они плохо сражались, среди солдат воцарился траур. Когорты, которые уступили врагу, в полном составе явились к палатке Гет Амана и просили их наказать.

«– Вы будете отважнее в другой раз», – ответил он им; – но я должен дать вашему страху время успокоиться.

Инфантэры настаивали, чтобы им позволили взять реванш немедленно, но Гет Аман категорически отказал им в этом. Он повторил приказ выступить из лагеря в три часа утра. Гет Аман покинул лагерь последним, с двумя когортами и с трубачами во главе. На рассвете Пан Пий бросил на арьергард Гет Амана свою конницу. В лагере Пан Пия был праздник и ликование. Напрасно Гет Аман трубил в свои трубы: он не отступал, он бежал от стен Пан Ти Капуи, он был повержен. Как Гет Аман и предвидел, Пан Пий пустился за ним в погоню. Да и разве Гет Аман не бежал от него? Разве не следовало нагнать и покончить с его войной одним махом?

Пан Пий послал к Туе (в Мосул Кале) гонцов с письмом, в котором он сообщал ей, что война уже закончена или почти закончена. Он решил атаковать Гет Амана, как только тот остановится. И Гет Аман остановился; на равнине близ плато Тео Дороса. Именно здесь должна была решиться судьба мира. Молва о его поражении распространилась и вызвала к нему недоверие. Ему отказывали в продовольствии и фураже, и это продолжалось до тех пор, пока он не захватил город Теодосия. Тут он оказался среди такого изобилия, что его солдаты праздновали, благодаря найденным в городских погребках многочисленным амфорам с вином, три дня.

Пан Пий расположил свой лагерь на возвышенности напротив лагеря Гет Амана. А за три дня до этого Гет Аман совершил жертвоприношение для очищения своей армии. После заклятия первой жертвы прорицатель сказал ему, что через три дня тот вступит в схватку со своим врагом.

– Помимо этого, – спросил Гет Аман, – не видишь ли ты во внутренностях жертвы какого-нибудь другого благоприятного знака?

«– Ты сам ответишь на этот вопрос лучше меня», – сказал ему прорицатель. – Солнце указывает на великие перемены, на переворот в установившихся вещах, на обратное тому, что есть сейчас.

Он узнал о начале битвы и сообщил тем, кто окружал его, что сражение уже идет. Затем, вернувшись к своим наблюдениям и вновь изучив все знаки, он возбужденно вскочил на ноги и воскликнул:

– Ты победил, Гет Аман!

И поскольку в его пророчестве усомнились, он снял со своей головы венки и заявил, что не наденет его вновь, пока события не подтвердят его справедливость. И все же, несмотря на все это, Гет Аман уже намеревался снять лагерь и увести армию.

Его пугало то, что его силы очень уступали силам противника: у него было только тысяча конников, а у Пан Пия их было семь тысяч; у него было только двадцать тысяч человек пехоты, а у Пан Пийя их было сорок тысяч. И тут Гет Аманду донесли, что в лагере неприятеля происходит какое-то движение, и что Пан Пий, похоже, решил дать бой.

Гет Аман собрал своих солдат. И тогда все солдаты в один голос стали умолять его не ждать, и что, напротив, если враг колеблется, нужно придумать какую-нибудь хитрость, чтобы тот решился на бой. Имея одну тысячу конников против семи тысяч, Пан Пия, Гет Аман отобрал из своей легкой пехоты самых молодых и ловких солдат и усадил их на лошадей позади всадников. В момент нападения пехотинцы прыгнули на землю, и вместо тысячи человек перед солдатами Помпея оказывались две тысячи.

Первые ряды когорт Пан Пийя уже выступили к бою. Гет Аман поднялся на небольшой холм, чтобы его видели и слышали, как можно большее число людей.

– Друзья мои, – крикнул он, – наконец настал день, когда Пан Пий вызывает нас на бой. Мы будем сражаться не с голодом и лишениями, а с солдатами врага! Вы ждали этого дня с нетерпением; вы обещали мне победить; держите ваше слово. – Всем становиться!

Затем он приказал поднять над своей палаткой ярко-алый флаг – сигнал к бою. Едва заметив его, инфантеры бросились к оружию; и, поскольку план сражения был определен заранее, каждый командир развел своих солдат по заранее определенным позициям.

Гет Аман решил, несмотря на превосходство сил противника, воспользоваться преимуществом, которое давал ему Пан Пий, и первым начал атаку. Он бросил последний взгляд на всё свое построение. В этой тишине его солдаты, приблизились к врагу на расстояние в двадцать шагов и метнули дротики.

С обеих сторон запели трубы и рожки.

Весь строй пехоты Гет Амана тут же с громким кличем бросился вперед, бросая на бегу свои дротики и копья в неприятеля. Затем, когда все дротики были выпущены в цель, инфантеры выхватили свои мечи и обрушились на паннийцев, которые встретили их стойко и неподвижно.

Пан Пий словно знал, что его армия выдержит первый натиск, отдал приказ своей коннице атаковать правое крыло Гет Амана и окружить его. Гет Аман увидел, как к нему приближается вся эта громада лошадей, от топота которых задрожала земля, и крикнул только эти три слова:

– Копья в лицо!

Каждый солдат его кивком подал знак, что он понял. Как и предвидел Гет Аман, этот живой сгусток из лошадей и всадников разметал перед собой тысячу его конников, а первые ряды его когорт оказались смяты. Восемь тысяч конников двинулись на окружение армии Гет Амана, но это был тот миг, которого он ждал. Он приказал подать сигнал трем тысячам солдат резерва. Сохранив свои копья, они двинулись вперед, поднося острие к глазам неприятеля и повторяя клич:

– В лицо, соратники! В лицо!

Они поражали остриями своих копий лица всадников. Те держались какое-то мгновение, скорее даже из удивления, чем из храбрости; но затем развернули своих лошадей и обратились в бегство, закрывая лицо руками. Так они бежали, не оборачиваясь, до самой степи, бросив на произвол судьбы своих лучников, которые были полностью истреблены.

Гет Аман направил вперед когорты с приказом атаковать неприятеля в лоб, в то время как сам он, со своей конницей и своими тремя тысячами копьеносцев, нападет на неприятеля с

фланга. Наступление было проведено необычайно правильно. Враг, которому было приказано обойти неприятеля, как только конница приведет в беспорядок его правое крыло, увидела, что её сама обходят! Пехота рассыпалась и последовала примеру конницы. В тот же миг все они закричали в один голос:

– Мы побеждены!

Повернувшись к инфантерам спиной, они бросились бежать. Пан Пий сам подал им такой пример. Гет Аман, видя, что битва уже выиграна, и что сегодняшний день принадлежит ему, собрал своих трубачей и глашатаев, и распределил их по всему полю сражения с наказом трубить и кричать солдатам:

– Пощаду раамонянам! Убивайте только пантийцев.

Услышав этот выразительный призыв, раамоняне остановились и протянули руки инфантерам, которые шли на них с поднятыми мечами. Те сами вложив свои мечи в ножны, кинулись в объятия своих прежних товарищей. Казалось, милосердная душа Гет Амана вошла в тело каждого из солдат его армии.

Гет Аман собрал солдат, рассыпавшихся по полю боя. Он повторил обещание пощадить побежденных; и, хотя уже наступала ночь и, хотя люди сражались с самого полудня и, хотя они были измучены усталостью и жарой, он в последний раз воззвал к их мужеству и повел их на приступ укреплений лагеря Пан Пийя.

– Что за шум? – спросил Пан Пий, находясь в своей палатке.

– Амен Гет! Гет Аман! – кричали на бегу перепуганные солдаты, спешащие к укреплениям.

– Как? Неужели он в моем уже лагере? – воскликнул Пан Пий.

И, поднявшись, он вскочил на первую попавшуюся лошадь, выехал через ворота и поскакал во весь опор по дороге, ведущей к Пан Ти Капуи.

Лагерь был взят. Бежавшие отступили на холм неподалеку. Победители вошли в лагерь и обнаружили в нем накрытые столы, заставленные золотой и серебряной посудой. Повсюду были разбросаны зеленые ветви и цветы, и среди других палатка Пан Пийя, увитая плющом.

Все это было заманчиво для солдат, тяжело трудившихся уже полдня, но Гет Аман напомнил им, что лучше было бы сразу покончить с неприятелем, и они сами закричали:

– Вперед!

Гет Аман оставил треть своих солдат охранять лагерь Пан Пийя, еще одну треть – сторожить свой собственный, а с последней третью пустился по более короткой дороге, чем та, по которой последовал неприятель; таким образом он отрезал ему путь к отступлению. Беглецы были вынуждены сделать привал на бугре, у подножия которого протекал ручей. Гет Аман немедленно завладел этим ручьем и, чтобы лишить врага возможности утолить жажду. Он занял четыре тысячи человек рытвом рва между холмом, который занимал враг, и ручьем.

Тогда, умирая от жажды, видя, что все пути к отступлению отрезаны, каждую минуту ожидая нападения солдат Гет Амана сзади, они отправили к нему парламентеров. Они просили о сдаче в плен. Гет Аман ответил, что утром он примет их сдачу, а пока те, кого мучает жажда, могут подойти и напиться.

Те, у кого была пища, делились ею с теми, у кого ее не было; все разжигали костры и усаживались вокруг них; можно было подумать. Что все эти люди собрались здесь на праздник. На следующее утро Гет Аман появился среди них. Оставшимся он подал знак рукой и улыбкой.

– Встаньте, – сказал он им; – Гет Аман не знает врагов на следующий день после победы!

Тартессии и раамоняне; все столпились вокруг него, пожимая руки, которые он им протягивал, и целуя край его боевого плаща, сброшенного ему на плечи. И, когда херусиасты Пан Ти Капуи пришли и объявили об отказе сдать город Гет Аман, сказал им:

– Сколько ещё раз слава ваших предков будет служить вашим ошибкам? – А потом он произнес, глядя на покрытое телами убитых поле сражения.

– Увы! – сказал он, – Пан Пий вынудил меня сделать это! Если я распушу свою армию, то, несмотря на столько побед, Ань Великий Антиохийский осудит меня – Гет Амана, и Гет Аман будет приговорен!

Пан Пий был вынужден бежать с острова Ка Ра Аманд на территории Сан Ти Кии.

ЛУННОЕ БДЕНИЕ – 2

Начало мудрости – торжество вагины Ти. Слушай, сын мой, наставление матери твоей и не отвергай завета отца твоего, потому что это – прекрасный венок для головы твоей и украшение для шеи твоей. Сын мой! Наполни дома хлебами, склад один будет у всех нас!

Притчи ТинниТ.

В

6712⁴⁵ лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. Алорк писал почти час, когда до слуха его донёсся звук, словно кто-то в величайшем волнении и задохнувшись втянул в себя воздух. Он отложил перо и прислушался. Рядом, конечно, никого не было, а значит звук мог раздаться только со стола от жизненной силы Лилит: черепа с бледным «лицом». Он задул

⁴⁵ 1204 год.

лампу, в зазор ставни окна проникал серебристый луч луны. То была естественная общность и походила она на безмолвную связь. Старику отрадно было сознавать, что луна столь же мало дорожит сном, как и он. Он ощущал добрые чувства. Он дописал:

«Гет Бел Ра Аман повелел храму старших сыновей звать его Амоном Ра. И, те, не захотев его, сказали:

– Думаешь ли ты в сердце своём, что не было Амона Ра прежде тебя, умертвившего старшего сына своего. Мы будем звать тебя высшим Ра Аманом, если ты возьмёшь наши Йорос-Вьшигород и его, святая святых, трон старшего сына.

Гет Бел Ра Аман, собравшись с воинами многими, пошёл и взял Йорос, и возвратился назад, и ответил им:

– Подобно тому, как Осирис, что-то захочет и скажет, то пусть и сделает».

В 6655⁴⁶ лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. Тейя была призвана в женский гарем Гет Бел Ра Амона, но не с престижным титулом первой придворной дамы, а лишь второй. Ее брат Пади Сак был отпущен к его армии, а ей пожалован был ещё и титул управляющей лесами всей Исы Пан Тии.

В 6712⁴⁷ лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. Когда пишешь биографию человека, лицо которого ещё не найдено потомками и не явлено миру, следует идти вдоль дороги, пройденной им до своего пьедестала. Чем больше следов осталось на этом пути, тем они легче и незаметнее и тем большее возбуждают они любопытство.

Утром в комнату вошла Тейя. Алорк в этот момент одевался и одновременно дописывал страницу дневника. На несколько минут Тейя задержала на нём взгляд, но ничего не сказала. Затем она стала рассматривать рисунки – это были наброски карт, указывающие на некоторые события. Я собирался сделать Тейе приятный сюрприз и хранил его в тайне.

Алорк последовал за Тейей в сад. Мы довольно подробно поговорили о некоторых вещах, только что присланных нам в качестве подарков и представляющих собой главным образом предметы мебели. Тейя не сомневалась в недоброжелательности тех, кому поручили переправлять нам эти предметы: даже высылая нам вещи, которые были бы для нас приятны, эти люди находили возможность их портить. Тем не менее Тейя пребывала в хорошем настроении и охотно поддерживала беседу. Погода продолжала оставаться тёплой и довольно приятной. Они вышли прогуляться по дорожке, которая была проложена перпендикулярно фасаду дворца. Разговор коснулся организуемых событий. Тейя высказал мысль, что если бы Исиза приехала к началу переговоров по постройке военного флота, то она могла бы оказать значительное влияние на их исход. К счастью, переговоры по строительству флота настолько продвинулись, что Тейя приняла решение завершить их в течение двадцати четырёх часов. Как она полагала, Исиза намеренно не приехала из Акра Левке раньше из-за возникшего у неё чувства ревности к уровню готовящейся операции. Главной цели переговоров – Исиза Тан Бул. Как только Исиза прибыла Тейя сразу нанесла ей визит, но, когда вернулась сказала: «Исиза Акра Левке очень красивая женщина, но она начала терять обаяние своей молодости, а значит ей пора переселиться на ранг повыше».

ГЛАВА – 4

⁴⁶ 1147 год.

⁴⁷ 1204 год.

Дочь моя! Наставления Исиды не забывай, и заповеди её храни в сердце своём. Долгота дня, года жизни и Амалек сын приложены тебе. Милость да не оставит тебя: обвяжи ею шею свою, напиши милость на скрижали сердца своего.

Притчи Тин_ниТ.

Н

ароду объявили о предстоящей утренней молитве и жертвоприношении Творцу. Эта мистерия всегда проводилась перед утренним восшествием солнца. Жрецы отбирали подходящую молодую телицу: собравшиеся начинали торжественную тризну – боевые танцы и песни. В такой день пили вино и пиво, и люди сцепившись руками под такт волнующей двойной свирели выплясывали причудливые фигуры

Колонны солдат продолжали подходить из контингентов войск, собранных для штурма Пан Капуи. В этот час наступающих сумерек под ярким освещением пламени, под резкими и холодными порывами зимнего ветра, разбрасывающего снопа искр с костров на пляшущий народ. Воины впадали в неконтролируемую оргию, валились с ног и снова подымались. В такой день всегда неживая масса теснилась и кучно приближались к живым всё ближе и ближе. Рукояти мечей, щитов и дротиков сжимали костяные кисти рук человеческих скелетов, черепа венчали железные шеломы, а от костей сиянием веял ужасный отблеск. К живым шли те, чьи кости согтели на погребальных кострах.

– Моту⁴⁸ не нужна ваша кровь! Моту не нужны ваши сердца! Светоч Ночи⁴⁹ требует! Пропустите нас и следуйте за нами, – те же знакомые требования.

От резкого взмаха крыльев Тиннит дрогнули языки факелов и погасли. Люди пытались зажечь их. Напрасно. Тишина нарушилась постукиванием огнив.

– Мертвые к нам идут! – кричал Алорк. – Воины, кони, копыта словно кусты зимних зарослей мирты в ночной мгле. Мертвецы желают быть с нами в час тяжелого испытания.

Народ накрыла черная тень скрывая от него звезду за звездой. Слышались вскрики:

– Светоч! Владыка мертвых! Владыка Ночи садится на трон! Велик Свет Ночи и нет ему равного!

Незадолго до полуночи, в непроглядной тьме, Мот-Смерть оказался у коронков стен обреченного жилья. Протрубил серебрянный рог, всего один раз и в ответ послышался отзвук многих тысяч труб и вновь наступила тишина. Люд чувствовал: здесь, совсем рядом, под коронками высоких стен крепости Пан Ти Капуи, собралось огромное Небесное Воинство. Клубился облаком их леденящий ветер. Всё поглотила тьма. Гасли последние огни. Наступало торжественное ожидание мистерии.

Внутри храма имелось священное место, куда могли входить только жрецы, ибо только им принадлежало право и честь знать внутренность святилища. У ряда скамей, выставленных для встреч жреческой коллегии, тянувшихся вдоль вышитых орнаментом матерчатых стен, стояла жрица девственница.

– Ничего не произошло из того, что может внушить тревогу... Ни крика тревожной птицы... «Ни резкого выдоха Владыки Жара...» —Сказала она.

Колонны солдат квадратом окружали дом Светоча. На аккуратном земляном цоколе стоял походный храм. Над черным балдахином господствовал небесный свод с яркими звездными крапинами. Прозвучала серебрянная труба Тиннит. Каждый воин стоял на своём месте. В проходе, оставленном в построении когорт, появились жрецы. У них бритые головы. Одеты в черные льняные одежды отделанной широкой белой полосой. Это была основная храмовая корпорация из простых жрецов и жриц, игравших главную роль в отправлении культа. Процес-

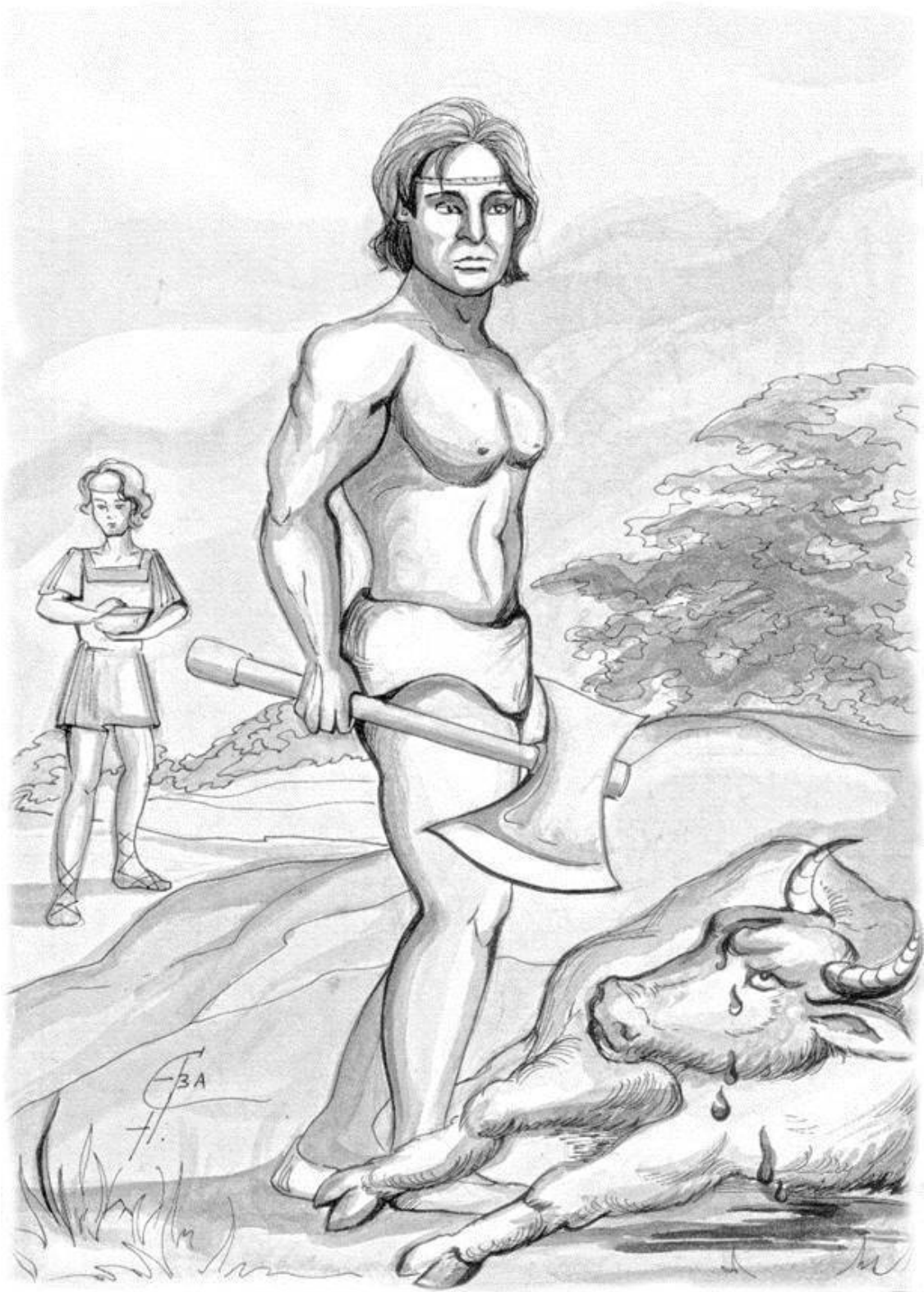
⁴⁸ Смерть.

⁴⁹ Баал Хаммон – финикийский религиозный пантеон.

сию возглавляли три человека, а рядом мальчик: он вёл телицу. Телицу вели к жертвователю, дело, которого заключалось в умении заклать поднесенную жертву. По агонии животного и по его печени предстояло предсказателям донести до народа благоприятную волю богов.

Возле алтаря Тиннит Пене Баал остановились девушки чей девственный характер не вызывал сомнения. Наступал момент торжественного песнопения:

«Взываем владыку жара, – зываем тебя, того кто на пылающей упряжке, огненной колесницей сверкаешь. Восстань из недр на добрый день, добрым вестником. Яви лучи над ханнаанеянами.»

Хор закончил петь. Родитель явился на медный свод небес, что б блистать теням и людям, черным и белым небесам земли. В шеренгах громкие возгласы не сдержавшихся солдат. Мальчик и девочка помогают. Они вливают в пламя душистое масло. Величество вдыхает аромат радушными вспышками пламени. Жертвователь омыл руки водой из обложенной цветами лохани. Мальчик держал короб с ячменем. Он подошёл к молодой телице. В руке острый топор.

Гордый за честь, ратоборец изготовлялся поразить жертву. Осыпал ячменей спину телицы, обрезал клочок шерсти с её головы и бросил в огонь алтаря. Огонь тут же поглотил жертвенный дар. Наконец могучий ратоборец ударил в шею, глубоко вонзенный топор пересек жилы. Телица повалилась и забилась тяжелыми конвульсиями смерти. Её подняли и крепко держали. Горящие огнем глаза животного, излучали сияние. Живое существо начинает жить только круглыми широкими глазами, все остальные чувства отключаются. Ратоборец довершил дело. А когда истощилась черная кровь и не стало жизни в костях, мертвую телицу разрезали на части. Отделили бедра и разложили на алтарях, сверху их покрыли кусками кровавого мяса, обвитого жиром. Мясо с шипением пожирало пламя. Оросили келем. По рядам солдат пронесся невнятный шепот. Дым с алтарей убирался в небо, жертва принималась благодарным Творцом.

Разнеслись слова первопророка.

– Владыка внял! Хвала Владычице!

Шепот солдат: «Велик Господин ... Нет равной Госпоже...»

Гет Бел Ра Амон слушал, как по навесу шатра хлопали крупные, капли дождя. Холодные порывы ветра проникали через щели во внутренние покои, колыхая и грозя потушить огоньки фитилей роскошных канделябр. Копоть, исходящая от фитилей, выкручивала всевозможные кольцевидные зигзаги образуя чуть заметную дымку со своеобразным запахом, который не заглушался даже щедрыми порциями благовоний из курильниц. Он куталась в шерстяной плащ, служанки возились с жаровнями расставляя их в отведенных для них местах. Они пылали жаром углей нагревая остывающий покой. Наконец он поднялся, ополоснул пальцы в сосуде с тёплой водой, что стоял на треножнике. Вытер пальцы о поднесенное полотенце и подошёл к столу. На широкой плоскости стола лежал свиток пергамента. Гет Амон в привычке вспоминал в тиши покоев блестящие свои победы. Он читал строки письма Пади Сака:

«Пади Сак шлёт привет Гет Бел Ра Амону. Все те, кого просят принять участие в войне, должны подумать, будет ли им тогда дозволено сохранить мирные отношения, затем прояснить для себя, достаточно ли справедливо, безопасно или же беспечно то, что у них спрашивают. Что касается тебя, хранимого Баалат, то если взятие славной крепости именуемой вами названием Угурт, а местными жителями называемой именем родного предка и отца Арсе, не должно принести тебе необычайную славу, какой искренне тебе желаю, то я не осмелился бы просить тебя о союзе и напрасно надеялся бы связать свои несчастья с твоими счастливыми обстоятельствами...»

Гет Амон прервал чтение. Он вытянул ноги. Тут он вновь поднес к глазам свиток:

«Что тебя может остановить? Моё затруднительное положение? Гнев на мои неудачи, вызванные волей некоторых недоброжелательных ко мне? Если ты здраво оценишь ситуацию, то это побудит тебя более всего.»

Пади Сак не приведёт свою армию к стенам Пан Ти Капуи. Дела осады затянутся. Он читал следующий свиток:

«У Кийи есть лишь одно и очень давнее основание для войн со всеми племенами и народами – глубоко укоренившееся в них желание владычества и богатств. Вот почему они сперва подчинили Тартессию, Килликию, Вифинию, а за тем предъявили притязание на мои края, предварительно овладев Ка Ра Амандом. Теперь, прошу тебя, рассуди, что будет в случае моего поражения: станешь ли ты сильнее чтобы оказать давление на Ань Ти о Кийю, или же, по – твоему, войну завершишь ты без моего участия? У тебя большие силы в людях, оружии и серебра, поэтому я и стремлюсь заключить союз с тобой, а раамоняне – стремятся тебя ослабить. Но моё намерение, коли будешь верен мне и твои силы будут сохранены, и будешь ты предан мне полезными советами, то мои солдаты искушены будут в военном деле. Закончат они войну вдали от своей страны, малыми твоими стараниями и при моём личном участии. Помни в войне с Ань Ти о Кийей мы не можем ни победить, ни быть побежденными

без опасности для себя. Помни, раамонянам путь преградит только водный край океана. Все, что у них есть – похищено: дом, жены, земли, власть. Ведь им человеческие законы не запрещают ни предавать, ни истреблять союзников, друзей, людей, живущих вдали и вблизи. Если немногие народы желают свободы, то большинство – законных властителей. А ты владеешь величайшим простором с его знаменитым богатством. Чего ждешь ты? Коварства ныне или войны в будущем? У них оружия против всех. Большие всего им ненавистны те, победа над кем сулит им несметные богатства. Переходя от одной войны к другой, они и стали хозяевами. Действуя таким образом, они всё уничтожат. Или падут – это возможно если ты пойдешь на север призывая народ. Настоятельно советую тебе так и поступить, а не предпочесть ценой нашей гибели отдать собственную победу вместо того, чтобы благодаря союзу с нами стать победителями.

Любящая Мелькарта Тиннит Пене Баалат.»

Гет Амон задал себе вопрос и ответил себе же.

– Важен ли мне этот союз?

И отвечал себе:

– Прежде всего я отправлю флот в Киммерийское море контролируемое раамонянами.

Он передвинула камешек счетной доски возле которой оказался. Это была доска с семью горизонтально натянутыми шнурами: первый обозначал тысячи, второй – пять сотен, третий – сотни, четвертый – пять десятков и так далее. Вычисления производились с помощью камешков, передвигаемых по этим шнурам. Он передвинул второй камешек.

– Мои действия получат развитие в направлении Пан Ти Капуи. Пан Ти Капище должно стать сферой моего влияния.

Амон Ра хлопнул в ладоши. Вошёл писец Алорк. Владыка Надзора диктовал:

«Владыка Белой Диадемы Амон Ра пишет Тейе Инь Тэри, владычице белой диадемы трона Мосу Кале. – Алорк ловко писал пером. – Шлю много приветствий прежде всего твоему Величеству, затем людям твоего двора, которым желаю благополучия. Действительно, это прежде всего мое первейшее горячее пожелание. Ныне пишу тебе, твоей светлости и величавой доблести, для тебя, поскольку ты писала мне о своем затруднительном положении. Поражение твоё еще не повод для печали и уныния. Прибытие моё к трону твоему используй с пользой. Действительно, в происшедшем никто не знает, кроме судьбы, как повернутся события. Ты просишь союза? Каким ему быть, когда интересы соприкасаются в максимальном и мы пока не можем помочь друг – другу ни солдатами, ни совместными военными операциями? Пусть дружба и договор о разделе влияния будет между нами, чтобы мы сообща занимались каждый своим делом».

По навесу жилища Гет Бел Ра Амона продолжали бить крупные капли осеннего дождя.

Угурт опустошала смерть. Но по-прежнему народ был весел: страх не закрался в мужественные сердца, пьяное головокружение обещало избавить от мучительной предсмертной судороги. Когда владения их обезлюдели они призвали к себе тысячи преданных подданных и вместе укрылись в лучшей каменной утробе девы Курии (Угурты), где надеялись выжить. Лоно это было опоясано крепкой и высокой стеной с медными воротами. На ней угурты защищали все входы и выходы, стремясь что б не прокралось к их истоку творимое чужими богами и что б не участвовать в злостном обеде этих богов. За стенами некогда было грустить, здесь самое время предаться раздумью, ибо была здесь ещё и безопасность.

Каждый, кому довелось быть свидетелем событий мало известных, обязан оставить их описание и сделать это искренне и беспристрастно. Так поступил и Алорк. Копаясь в рукописях, попался мне лист, испещренный знаками выведенных аккуратной рукой, – в нём открывалось покаяние участника события, в котором он несомненно участвовал. Строки эти выражали мысль страдания народа и при этом, хорошо сохранились.

«Ханнат! – это восклицание начинает строку листа. – И ты Земля и вы божества надземные и подземные, взирающие равнодушием на беззаконие свое и людей! Утверждаю громогласно я, что невиновен в преступлениях. Беру Мать в свидетели!»

Начну трагическую главу!

К закату, когда тени удлиннились, тьма воинов поднялась на ноги и медленно, с грозной неотвратимостью рока, собралась на собрание граждан. Когорты плотно сомкнулись.

Гет Аман обратился словами:

«Граждане! Мне хорошо известно, что слова не прибавляют доблести и что от речи полководца войско не становится из слабого стойким, храбрым из трусливого. Какая свойственная нам отвага, такой ей быть и на войне. Того, кого не воодушевляют ни слова, ни опасность, уговаривать бесполезно. – Говорил он. – Граждане! Я созвал вас для того, чтобы дать несколько наставлений. Вы, конечно, знаете, граждане, какое огромное огорчение принесла нам наша беспечность и трусость. Но теперь все вы также хорошо, как и я, понимаете, в каком мы положении. Враг упорно продолжает сопротивление презграждая нам путь к краю Иару. Нахождение нас в этой местности очень проблематично даже если очень захотим. Катастрофически не хватает зерна и других припасов, хотя хлеба нами собраны. Нам остается полагаться только на свой меч. Поэтому призываю вас быть храбрыми и решительными и, вступив в бой помнить, что богатства, почести, слава, а также и свобода в ваших руках. Если мы победим, нам достанется все, продовольствие будет в достатке, друзьям придется быть пощедрее. Если же мы в бессилии отступим это обернется против нас и ни местность, ни друг не защитит того, кого оружие не защитит. Таков суровый закон политики. Наше начало явится нам нашим концом. Проиграть, означает сохранить опасного и могучего врага, грозящего оком с трона Угурты.

Ханнаанеяне! Отважней нападайте, помните о своей прежней доблести. Один лишь победитель достигает мира ценой войны! Не отвергать от врага оружие защищающее тело. Не подвергать себя безумию. В битве наибольшая опасность грозит тому, кто больше всего боится. Солдаты! Отвага разрушит любую крепостную стену. Я думаю о ваших прежних подвигах. Охватывает великая надежда на победу. Небесное воинство, ваша молодость, объединённая доблестью, воодушевляет меня, как и сознание трагической неизвестности, которая и труса переделает на храброго. Враг не многолик, но смел и защищён стенами которым нет равных. Взойти на них – доблесть. Перейти их – слава. Ступайте, но не позволяйте врагам с легкостью перебить вас и, что бы вас не перерезали как скотину, а если же враги одержат над вами победу, пусть она будет кровавой и горестной!»

Солдаты ударили по плоскостям щитов копьями. Грохот разросся и коснулся последних шеренг. Вдруг наступила тишина. Надвигались густые сумерки. Шли буйволы, они впряжены в телеги, на которые были поставлены баллисты и катапульты, за ними катилось море воинов. Многие держали на своих плечах лестницы. Ступали они бесшумно. У стен установили метательные машины. За ними плотной стеной остановились воины.

Тишина нарушилась хлопками метательных машин. За коронки стен летели бочки, начиненные горючими смолами. В ход шло всё, что годилось для метания. Комок сбрасывался со специальных носилок на метательное ложе катапульты, затем спуск рычага и яркая борозда огня оставляла за собой в темноте шлейф искр. Очень скоро спины работающих солдат стали мокрыми. Пламя огня вырисовывало рисунки на мокрой их коже. Людей, корчившихся от жара, обливали водой, и они опять принимались за новую порцию, бочку поджигали и так много раз.

Нападавшие находились в темноте, в то же время обороняющие стены оказались освещены, от чего они оказались под обстрелом лучников и пращников, находящихся на деревянных башнях. Но вот грохот заглушился от истошного вопля, изданного тракийскими воинами. То народ призвал к ристалищу Особый Барабан.

Расстроились ряды, двинулись на приступ копейщики. Воины Владыки были уже у стен. Вниз сбрасывали камни, бросались дротики и колья. Сбрасывали всех, кто подлезал к каменной кромке, но за ними новые партии тракиев взбирались по длинным лестницам. Началась битва, ставшая предлогом для ещё более опустошающей баталии между тартессиями и угуртами. За чёрной непроглядной тенью стены вырисовывалось зарево пожара.

– Не отступайте славные воины! – взывал Югурта собственным отпрыскам. – Не бегите, ибо нет в бегстве спасения. Только бой. Лучше славная смерть, нежели позорная трусость.

Мечи и кирасы залиты кровью: зарублено множество врагов. Люди свирепели от запаха крови. Из-за кромки туч показалась белесая луна. Взор её пал на громадный горный утёс. Ярче засиял светоч. Тысячи глаз в смертном ужасе взглянули в верх. Громче казался гром Особого Барабана. Вдоль зубчатых стен, у кромки гласиса толпился народ. Очертания фигур неясны, но лица ясны. Взоры их безумны от страшной ужасной работы – убийства. Со скорбью и усталостью, но сросшиеся в плотную массу, следили за колыхавшей внизу массой людей: угурты не отводили взгляда от копошившихся внизу ханнаанеян. Багрянец пропал, небо посветлело от звезд, воды вспенились от мучений, но бури не было. Зашуршало тысячью ног. Сдвинулась людская масса. Тени воинства то продвигались во весь рост, то припадали к земле насыпи, подвигались бесшумно крадясь. Загудели тетивы защитников, но неодолимый змей явился бесконечной вереницей людей. Устремились внутрь, многие гибли, не достигнув цели поплатившись жизнью за свою смелость. Следовавшие за погибшими в ужасе попятнулись, но подпиравшие сзади массы воинов торжествующими воплями вновь бросали попятившихся на утес-город. На вершинах зубчатых стен защищали свободу воодушевлявшей лишь храбрых. Здесь на вершине представляли ужаснейшим истязания позорной смертью. Мужество воспламенялось тем, что они видели друг друга. В следствии их трудов сильнейшее войско не раз было отбито и впадало в замешательство. Внезапно прорвался внутренний голос и слова его были обращены к тартессиям:

– Вы все видите, что гибнут невинные! О... О... Страдание нестерпимое! О... О... Несчастье Ханнат творимое! Почему неистовствуешь нашими бедами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.